

795983-kr

Кз. -сс

Т. Г. Б.
Изд. № 2

СЛУЖБА * * *

в рядах Красной армии

* * * И УЖАСЫ

белогвардейского плеча.

— ◆ —
Вас. Колосов.

— ◆ —
ВОЛОГДА.
1923.

28

1875

[355(47)]

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Колосов В.Н.

**Мое вступление
в ряды Красной армии**

и

**жизнь, проведенная в
белогвардейском плену.**

И795983

ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. И. В. Бабушкина

1923

9(c)2. KP

K-61

Handwritten text, likely bleed-through from the reverse side of the page. The text is faint and difficult to decipher but appears to be organized into several lines.

Мое вступление в ряды Красной армии и жизнь, проведенная в белогвардейском плену.

Мое вступление в ряды Красной армии.

В октябре 1917 года, когда свершилась Великая Русская Революция и Государственная власть перешла в руки рабочих и крестьян на местах, в центре и, в частности, у каждого отдельного человека, кто воистину не хотел возврата к старому, было одно желание удержаться за собою только что завоеванную свободу. Всякий знал, что молодая Республика Советов, свергнув самодержавный трон, гнет помещиков и капиталистов, а вместе с ними и коалиционное социал-соглашательское правительство господина Керенского, не лишена и опасности вооруженных нападений со стороны последних. С первых дней Октябрьской Революции, полная ненависти к рабочим и крестьянам, озлобленная буржуазия и ее приспешники начали разрабатывать планы похода против Власти Советов. Бежавшие в то время из Армии генералы и офицеры, нередко укрываясь даже в простых солдатских шинелях, то на одной, то на другой окраине Советской Республики, повели широкую агитацию в среде темных отсталых масс против Советской власти, призывая последних к вооруженной борьбе с большевиками за Учредительное собрание, обещая крестьянам от учредилки дать тысячу удовольствий (молочные реки с кисельными берегами), распространяя разного рода клевету по отношению к большевикам, всячески стараясь доказать темным и отсталым массам, что большевики не способны к государственной работе, что они насильники русского народа, что будто-бы большевики есть подкупленные немецкие шпионы, грабители, и многое прочее, стараясь этим самым затемнить еще больше отсталые, мало просвещенные, на половину безграмотные, глухие отдаленные уголки необъятной Руси, массы. Местами, правда, что им и удавалось, при помощи наших священно-служителей, попов и прочих буржуазных прихвостней, в лице эсеров и меньшевиков, организовать такие с одураченными головами отряды, и под командованием какого-нибудь царского генерала, бросали их в бой, против интересов миллионов масс рабочих и крестьян Советской Республики. Бежавшее с фронтов офицерство находило приют в этих отрядах и составляло не меньшую половину их. Что же делала в это время Рабоче-Крестьянская власть? В это время Советское Правительство, об'явив мир всему миру и окончательно отказавшись поддерживать грабительский союз с Англией,

Францией и другими странами. приступило к демобилизации Армии. Старая, построенная на палочной дисциплине, Армия, уставшая физически в течении 4-х лет, требовала отдыха и прекращения братоубийственной войны и к январю 1918 года Армия была демобилизована. Что же делали в это время наши враги? Они попрежнему продолжали натравливать одних против других для того, чтобы внутри страны вызвать кровопролитную схватку и не дать возможности окрепнуть молодой рабоче-крестьянской Советской власти, чтобы попрежнему им взять господство над рабочими и крестьянами многомиллионной Руси, втянуть в кабалу и отдать вновь на расправу помещикам и капиталистам, за тридцать сребренников, организуемая такие бандитские отряды, поддерживаемые на средства русской и иностранной буржуазии, они рассчитывали на широкую поддержку самих масс той или другой местности Советской Республики, к тому же одновременно умоляя правительства других буржуазно-монархических государств прийти им на помощь в борьбе с рабоче-крестьянской властью. Не располагая своими в достаточной степени вооруженными силами нанести сокрушительный удар молодой Республике Советов, но пользуясь демобилизацией Армии и выжидая со дня на день вооруженной помощи от союзников, они продолжали делать свое темное дело, во вред рабоче-крестьянской Республике Советов. Будучи не в состоянии одни проявить что нибудь реальное в вооруженной борьбе с Советской властью, они всячески старались нанести ей удар воровским способом из-за угла, рассылали своих агентов с целью поджогов в городах и селах, производили убийства отдельных советских работников, и при помощи их взрывали мосты, железные дороги, сжигали склады с сельско-хозяйственным инвентарем и с продовольствием. Во все отдаленные уголки необ'ятной Руси, а также и в центральные города—Петроград и Москву они высылали своих агитаторов организаторов, снабжая их соответствующей противо-советской литературой и крупными суммами для этого денег. Угрожая этим самым уничтожить и молодую только что появившуюся на свет, единственную в то время, Республику Советов и под видом угроз поголовного уничтожения, а также и предсказывая скорое падение Советской власти, старались еще больше запугать головы рабочих и крестьян, желая склонить их на свою сторону. Но не тут-то было, предположения их не оправдались Рабочие и крестьяне Советской Республики, головы коих не были одурачены хвастливыми буржуазными обещаниями, не только не пошли за ними, но напротив, на отрез и навсегда отказались от них на всех своих съездах, начиная от волостных и кончая Всероссийским Съездом Советов, выносили делегатам свои наказания и резолюции о создании Красной Армии, о немедленной организованной борьбе с ними вооруженною силою и что для этой борьбы необходимо немедля ни минуты времени сопоставить силе силу, на насилие ответить силою классовой рабоче-крестьянской Красной Армии для вооруженной борьбы с ними в защиту интересов рабочего класса, молодую Республикою Советов был издан декрет о формировании на добровольных началах классовой рабоче-крестьянской Красной Армии. Так было положено начало формирования социалистической Красной Армии, в ряды коей я и вступил 15 апреля 1918 года.

Служба в Красной армии.

С тех пор, как начала реорганизоваться Красная Гвардия, в которой я пробыл 5 месяцев, и формироваться на смену ей Красная Армия, перед Советским Правительством вообще и военным командованием в частности явилась одна основная задача — построить эту Армию с тем, чтобы эта Армия была не только хороша количественно, но и качественно, так, чтобы эта Армия могла в любой момент отразить все натиски мировой буржуазии и контр-революции. А эта задача в то время была почти одной из затруднительных.

1) Унаследованная от империалистической войны хозяйственная разруха. 2) только что демобилизованная старая армия, уставшая в течении 4-х лет войны на многочисленных фронтах. 3) отсутствие достаточного контингента командного состава, могущего умело вести организационную работу в армии. 4) недостаток военного обмундирования и снаряжения. 5) расшатанность нашего транспорта и многое прочее ставило в затруднительное положение военное командование, организацию и формирование на первых порах нашей Армии. Но несмотря на все это, формирование Красной Армии не останавливалось, увеличивалась с каждым днем все больше и больше запись добровольцев; как в центре, так и на местах кипела организационная работа. Всякий сознательно вступивший в ряды этой армии и могущий принести пользу своими познаниями для других, получал то или другое ответственное назначение, работая от 15 до 18 часов в сутки. Вся тяжесть работы в те времена ложилась на ответственных и членов партии (большевиков). Командный состав старой армии делился по категориям — командный, административно-хозяйственный и комиссарский состав, последние назначались безусловно из членов партии (большевиков); все остальные принимались по представлении рекомендаций от левых социалистических партий или местных Советов.

15 апреля 1918 года я поехал в Москву, где и поступил добровольно на службу во вновь формируемые в то время войска В. Ч. К. по охране путей сообщения. 18 апреля 1918 года я получил назначение командиром роты вновь формируемых войск и 1-го мая вместе с ротой, по приказанию Начальника Главного Управления тов. Труфанова, отправился в распоряжение Начальника охраны Мурманской железной дороги, куда и прибыл 5-го мая. Рота, которой я командовал, была сформирована главным образом из рабочих города Москвы и 3-ю часть ее составляли латышские стрелки старой армии, поступившие добровольно в ряды нашей Красной Армии. Первые дни нашего прибытия на дальний север были не весьма, и для всех приятными; еще в дороге от Званки до Мурмана около одной десятой части всего состава роты заболело цынгой и волей-неволей пришлось их оставлять по пути на излечение. Участок, который мне пришлось занять с ротой, равнялся на протяжении 620 верст жел. дор. и по берегу Белого моря до Мурмана вплоть до финской границы. Тяжелые климатические условия севера, малочисленность личного состава, громадные задания, возложенные на роту, на громадном пространстве не давали возможности вести правильный образ жизни.

ни, т. е. одним и тем же людям часто приходилось без всякого отдыха нести службу, стоя на посту целые сутки и только благодаря высокой сознательности каждого в отдельности и всех вместе удавалось нести службу, исполняя всю работу, возложенную в целом на тот участок, который занимала наша рота. Товарищи красноармейцы, несмотря на все трудности и тяжелые климатические условия, переносили безропотно и даже еще с большей энергией в свое правое дело по охране народного достояния, тверже держали винтовку в своих руках, отдыхая иногда 2—3 часа в сутки. были верными и неустанными часовыми. Начальник дороги тов. Орлов и комиссар дороги тов. Васин, видя наши невероятные-тяжелые условия, главным образом в недостатке людей, обратились с ходатайством перед Главным Управлением и Управлением Мурманской железной дороги с тем, чтобы пополнить недостающее число людей в ротах и просили дать новое пополнение в количестве одного отряда до 600 человек.

1-го июня 1918 года Начальником охраны дороги я был назначен Начальником действующего отряда на участке Мурман—Сорока. Безчисленное множество на этом громадном пространстве станции, разъездов, пристаней, портов, складов, пакгаузов и железнодорожных мостов—все входило под нашу охрану и помимо всего этого был возложен контроль на путях сообщения в своем участке, как следить за безбилетным проездом, так и борьбы с нарастающей в то время спекуляцией, охраняя или сопровождая те или другие государственные грузы. Так было до 29 июня 1918 г., когда Мурманский Краевой Совет (соглашателей с бывшими союзниками), не входя ни в какие сношения с центром, позволил высадиться на берег английскому десанту и совместно с сербскими войсками, которые как будто-бы направлялись через Мурманск в Салоники на фронт, но задержанные по неизвестной для нас причине в Мурмане, восстановили свой контроль на железной дороге от Мурмана до Петрозаводска, и для охраны дороги по инициативе командующего в то время представителя Северного Коммуны, генерала Звягинцева, командовавшего всеми вооруженными силами на Мурмане, пропустили один блиндированный поезд со ст. Сороки под командованием англо-сербских войск. Такое явление крайне беспокоило наше высшее командование, и мы решили непосредственно обо всем информировать центр, путем поездки.

30 июня ко мне прибыл для связи из Мурмана от Командира роты Комлева один тов. красноармеец с секретным пакетом, по вскрытию которого я узнал, что в Мурмане обстоит не все благополучно. Место стоянки моего штаба находилось в то время в селе Кандалакше Кемского уезда, на берегу Белого моря у морской пристани, где тянется Кандалакшская губа Белого моря. В донесении значилось: „в Мурмане ведется антисоветская агитация, темные личности открыто выступают против власти Советов, с возгласами „Долой Советы, да здравствует учредительное собрание“. Союзники способствуют этому, поддерживая и укрывая открытых врагов, способствуя последним и снабжая оружием“. Вот точный смысл этого донесения. Получив такое сообщение о неустойчивом положении на Мурмане где разгорелось контр-революционное выступление, я решил,

не медля ни минуты, довести до сведения Совета железнодорожников и с приехавшим в то время в Кандалакшу членом Военного Совета тов. Зайковским, всесторонне обсудив этот вопрос, постановили, тов. Зайковскому немедленно отправиться для доклада в Центр о положении вещей на Мурмане, просить немедленной присылки дополнительных войск, а сами не дожидаясь ответа, т. к. время не терпело ни малейшего промедления, со всеми имеющимися людьми в Кандалакше военной охраны отправиться к месту тушения этого пожара, для выяснения виновных и немедленного их удаления, вплоть до вооруженной силы. Стараться раз'яснить б. союзникам нарушение законов Советской Республики и самовольное вмешательство в русские дела, без малейшего на то какого бы то ни было повода. Вечером того же дня, т. е. 30 июня, вместе с 72 чел. патышских стрелков, изъявивших желание добровольно отправиться со мной, я выехал в Мурманск для ликвидации мятежа и ареста виновников. На следующий день, около 2-х часов дня, мы прибыли в Мурманск при двух пулеметах и 64 штыках. К нашему приезду в Мурманске мятежники несколько приостановились, выжидая удобного момента снова наброситься, при содействии союзников. К нашему приезду арестованным оказался один человек, арестованный Советом железнодорожников машинист, при содействии наших войск, в то время находившихся в Мурманске, заняв все стратегические пункты, выставив достаточно к ним охрану, оставив всех людей роты, прибывших со мною в распоряжение командира роты Комлева. Сам же на другой день отправился для встречи идущего ко мне в то время нового пополнения в числе 600 человек, во главе с Начальником этого отряда тов. Бравицким, о котором я узнал по телеграфному прямому проводу из переговоров с Петрозаводском, где у аппарата был Начальник охраны дороги г. Орлов. Численность англо-сербских войск в то время в Мурманске не превышала 5000 человек, включая сюда и команды судов, стоявших в то время на рейде в Мурманске, еще с первых дней начала войны находившихся там, одними из крупных военноморских судов находились в то время на Мурмане английский крейсер „Кохран“ и линейный корабль „Глория“. Из русских судов в Мурмане находились в то время крейсер „Аскольд“ и линейный корабль „Чесма“, которые и могли бы дать в нужный момент надлежащий отпор против захвата г. Мурманск англо-сербскими войсками, но ввиду крайне соглашательской политики местного краевого совета с быв. союзниками, который повел широкую агитацию в деле передачи Мурманского порта и жел. дор. союзникам, сылаясь якобы на то, что союзники помогут восстановить наше хозяйство, а Белое море даст при помощи их снастей и другого рыболовного материала хороший улов рыбы, что полезно и весьма выгодно для русского народа, при отсутствии достаточного питания, говорил об устройстве союзниками на Мурмане консервного завода и за все это предлагал союзникам отдать имеющийся в Мурманском порту наш флот, начиная от ларусников и кончая большими судами, которые по его мнению в Мурманском порту бездействуют, а союзникам, мол, будут пригодны для транспортирования и нам из за-границы различных грузов, а посему, мол, нам не следует входить на сей счет

ни в какие сношения с центром. т. к этот вопрос исключительно местной власти. Получив на это достаточные возражения, председатель Мурманского Краесовета г-н Юрьев мнимо огласил две телеграммы из центра. т. е. Москвы, за подписями т. Ленина, гласящие ответом на его запрос. В одной из них значилось препятствовать высадке десанта и какого бы то ни было вмешательства в русские дела, а вторая из них говорила за то, что работать в полном контакте с союзниками. Вот основной смысл этих двух телеграмм, полученных якобы из Москвы, за подписью тов. Ленина. Расжевав и растолковав по своему эти мнимые телеграммы на общем собрании, председатель Мурманского Краевого Совдепа вновь продолжал, настаивая на самостоятельном решении затронутого вопроса. всеми силами стараясь доказать общему собранию, что в Москве нет определенной линии поведения в разрешении данного вопроса. и что мы как высшая Краевласть. можем настоящим собранием вынести то или другое решение и провести его в жизнь. приняв всякого рода помощь от союзников. не нарушая с ними тесного сотрудничества. Выслушав такое пожелание и линию поведения со стороны председателя Мурманского Краевого Совдепа, некоторые отдельные члены Совдепа, совместно с представителями Совжедора, моряками и прочими. кто не хотел разделять линию поведения с председателем названного Совета, покинули зал заседания. Оставшееся меньшинство, поддавшееся обаянию Предсовета г-на Юрьева и его обещаниям помощи от союзников. выраженных на основании слов английского полковника Торхил. приняли резолюцию, выдвинутую Предсоветом г-ном Юрьевым, в которой и значилось все то, что говорил в своей вступительной речи (докладе) Председатель Мурманского Краесовета. Находившиеся в Мурманске выше названные русские морские суда „Аскольд“ и „Чесьма“. стояли около пристани в порту, а английская флотилия стояла на рейде, с осторожной, с заранее обдуманной намерения, целью, так что нашим судам помимо того что не было выхода в море. хотя бы даже в Архангельск. угрожала всегда военная опасность со стороны судов, стоявших на рейде „Глория“ и крейсера „Кохран“. Видя надвигающуюся опасность со стороны англо-сербского вмешательства в русские дела, моряки корабля „Чесьма“, ввиду малочисленности своей в то время команды, присоединились к названной выше резолюции, под угрозой своих командиров. Оставшаяся горсточка моряков корабля „Аскольд“ до последних сил отстаивала интерес рабоче-крестьянской России и не склонилась перед врагом свое красное рабочее знамя. Шесть моряков с крейсера „Аскольд“, выехавшие на берег на шлюпке за продуктами в продбазу. не доехав до берега. были расстреляны пулеметным огнем англо-сербского командования. Видя свою беспомощность с одной стороны и с другой атаку английскими миноносками, крейсер „Аскольд“ после троекратного ультиматума. отвергнул сдаться союзникам и только грубой силой удалось союзникам обезоружить названный крейсер. Ворвавшись силою на корабль. англо-сербские наемники, за арестовавшие не желающих сдаться. наемники капитала самым безобразным образом что называется (по духу всей своей западно-европейской культуры). начали ломать зеркальные стекла кают и уничтожать все

что попадалось в это время им на пути. Красный флаг попрежнему гордо развевался над палубой корабля, как будто хотел сказать грозное происходящему и крикнуть своим убийцам „Я недоступен, я непобедим“. В 9 часов вечера того же дня красная твердыня находилась в руках английского морского командования и вместе с вечернею зарею упало в ночную тьму наше рабоче-крестьянское красное знамя, гордо развевавшееся на далекой окраине нашего севера. Заглохли на время любимые и родные морякам звуки Интернационала и к утру (следующего дня на мачте корабля развевался любимый контр-революции николаевский трех-цветный флаг. Победа, казалось белогвардейцам, была достигнута и они справляли свой победный пир.

Арест в поезде.

Около 6 часов вечера 1-го июля я, совместно с членом Совжедора Мурманского тов. Селезевым и стрелком отряда тов. Граудиним, с вечерним поездом выехали из Мурманска в село Кандалакшу, где и должен был встретиться с выехавшим в то время из Петрозаводска на Мурман ранее упомянутым отрядом тов. Бравицкого.

Примечание. Должен сказать, что всякого рода в то время связь как с гор. Мурманском, так и его окрестными станциями линии Петрозаводск была прервана и связь поддерживать в последние 2-е суток не представлялось ни малейшей возможности. На лицах моих спутников было заметно, что они, как и я, жаждали скорейшего прибытия в Кандалакшу, где предполагалась встреча с отрядом Бравицкого. Временами почивлялось нервное недовольство на продолжительные задержки на станциях и разъездах. Проехав ст. ст. Колу, Лопарскую и друг., мои спутники и я, от долгого переутомления в поезде и позднего времени, прилегли отдохнуть и прохладный северный ветер в открытое окно вагона скоро убаюкал всех нас на ночной отдых. Но утром следующего дня, т. е. 2-го июля один из моих спутников тов. Граудин сообщил нам, что поезд уже миновал ст. Имандру и что до Кандалакши осталось всего езды в поезде не более 6 часов. С надеждой скоро прибыть в Кандалакшу, мы задались обсуждением вопроса встречи с отрядом, идущим на пополнение нашей части, и дальнейшего плана действий по обороне Мурманского побережья и линии железнодороги от каких бы то ни было нападений со стороны Англо-финнов. К 4 часам дня поезд вышел с последнего разъезда перед ст. Кандалакша и мои спутники начинали собираться к выходу, как вдруг неожиданно, по неизвестной для нас причине, поезд мгновенно затормозил ход и остановился. Неожиданная остановка поезда страшно обезпокоила всех присутствующих в поезде. Открыв окно, чтобы осмотреть впереди поезда путь перед нашими глазами у самого поезда стояли цепью сербские и английские солдаты и суетливо бежали офицеры, разыскивая какой-то вагон. Среди всего состава нашего поезда по одной и другой стороне пути стояли пулеметы с несколькими запасными лентами и два трехдюймовые орудия, находившиеся неподалеку от полотна железнодороги, расположившись около опушки леса, тянувшегося на протяжении двух с половиною верст по северной стороне дороги по направлению к Финской границе, направленных в упор поезду. Висреди поезда посреди полотна жел. дороги в открытое окно мы увидели фигуру од

ного сербского офицера, сигнализирующего красным флажком о немедленной остановке поезда, что и было исполнено машинистом нашего поезда как только успел остановиться поезд, раздалась издали слышная в открытое окно наше, английская команда „Комань“. Солдаты бросились на перевес с винтовками к вагонам поезда и 10 человек, руководимые 4-мя офицерами, пошли по вагонам поезда, разыскивая свою добычу. Не прошло и одной минуты, как упомянутая выше группа до зубов вооруженных людей была в нашем вагоне, предлагая немедленно сдать у кого имеется оружие, разыскивая большевистских комиссаров и в том числе комиссара Колосова, относительно коего было передано по прямому проводу из гор. Мурманска начальнику действующего отряда против большевиков, полковнику Тормхил, который в то время находился в селе Кандалакше и как впоследствии выяснилось был сообщен даже и № вагона, в котором я отбыл из гор. Мурманска. Отряд в числе 14 человек, коему было поручено персонально о нашем арестовании, сделав свое дело, довольное офицерство вышло совместно с конвоирами и нами из злополучного поезда. Через несколько минут того же дня 2-го июля, окруженные кольцом усиленного конвоя, мы были доставлены в стоящий на запасном пути около станции специально приспособленный для арестованных вагон, под охраной по всем правилам английского режима, существующего для заключенных в английских тюрьмах. Через несколько минут тщательно подвергнутый обыску поезд прошел мимо нашего вагона к станции, а конвой, руководимый офицерами доставил еще одну партию арестованных моряков, снятых с поезда, следовавших в кратковременные отпуска. Но последних размыслили в другое от нас место и мы не могли знать об их существовании.

В белогвардейском плену.

На следующий день 3 июля после тревожно проведенной нами ночи, в течении которой нас перевели из упомянутого выше вагона в расположенные недалеко от станции палатки, поставив к нам офицерский караул, который всю ночь суетливо и безпокойно, то бегая вокруг своего поста, то ежеминутно открывая полотнище (дверцы палатки), проверял нас, находящихся под стражей в данной палатке. В ту ночь около 12 часов к палатке, в которой мы находились, из вагона, где находилось помещение для расквартирования англо-сербского командования, вышла группа в числе 4-х офицеров, одного сержанта и одного переводчика, которого я узнал только лишь потому, что означенный переводчик в течении прошлого дня, пока мы находились арестованными в вагоне, обращался к нам с вопросом, не имели ли мы здесь на ст. Кандалакша кого-либо из наших родных? И когда мы ответили отрицательно, последний заявил нам, что „скоро нам дадут кушать“, чем мы были очень удивлены, что подобные господа имеют заботу о нашем ужине. Спустя несколько минут группа союзного командования приблизилась к нашей палатке, спросив что-то у часового, заглянула в дверцы палатки на наше расположение. Окинув беглым взором нашу семью в лагере заключенных, один из английских офицеров по чину из полковников, по наружным различиям, обратился к одному из своих спутствующих, после чего

между ними завязался оживленный разговор, тянувшийся в течении нескольких минут, вскоре принявший вид официального с резкими возражениями со стороны первого, что нам удалось заметить по выражениям их лиц, наблюдая в щель дверной палатки, которую наши посетители после осмотра оставили полуоткрытою. Во время их длившегося разговора, козырнувший сержант полковнику вскоре после прибытия к месту нашего расположения, удалился и через несколько минут из под откоса насыпи железной дороги появился с 5-ю чело-веками солдат, которые тащили с собою пулемет и два ящика с пу-леметными лентами, по направлению к нашей палатке. Остановив-шись шагах в 20 от места нашего расположения, откуда нам хорошо было следить за действиями означенной группы офицеров и пуле-метчиков во главе с сержантом, последние вложив ленту с боевыми патронами в пулемет, с разрешения повидимому своего полковника, произвели несколько пробных выстрелов, как-будто проверяя боеспо-собность пулемета, насколько последний будет в состоянии поразить нас на ближнем или дальнем расстоянии. После чего сержант возвра-тился к группе офицеров, пробормотал последним что-то по своему, отошел на шаг в сторону и стоял неподвижно, как будто ожидал нового приказа. Время приближалось уже к часу ночи. Замолкли долетающие до нас голоса гуляющей ночью публики (из местного населения), прогуливавшейся вдоль железнодорожного полотна вблизи станции, как это и бывает на всех провинциальных станциях желез-ной дороги, где нет другого лучшего для гулянья места. Группа офи-церов по прежнему стояла около нас, обмениваясь вопросами между собою. Нередко полковник, показывая рукою на нашу палатку, из чего я и полагаю, что разговор, длившийся между ними, имел пря-мое или косвенное отношение к нам, находящимся в этой палатке. Да и каждый бы находящийся в это время на нашем месте, мог бы подумать то же, что и мы. Ночное посещение группы офицеров, пу-лет и пулеметчики, нас ежеминутно наталкивали на мысль, что их посещение связано тесно с нашим истреблением. Какие мысли в это время ни побывали в нашей голове, ожидая ежеминутно расстрела. Многие из нас уже в это время успели навсегда попрощаться друг с другом, дав клятву не выдавать никого, если кому из нас будет суж-дено остаться в живых, передать о нашей судьбе, когда послед-ние будут иметь ту или иную возможность вернуться в Советскую Россию.

Спустя еще две-три минуты полковник снова изволил заглянуть к нам в палатку, повернувшись что-то приказал сержанту и, сопро-вождаемый офицерами, удалился в вагон своего местонахождения. Пробыв еще часа 1½ после их ухода от нашего лагеря, прислуши-ваясь к каждому шороху, к каждому движению, мы прилегли во-истинну отдохнуть после кошмарно проведенных нами нескольких часов нашего первоначального заключения.

Отправка в Мурманскую тюрьму.

На утро следующего дня нам стало известно, что нас сегодня же с отходящим поездом направят для разбора дела и сдержания под стражей в гор. Мурманск. Получив столь неожиданное для нас

официальное извещение от английского (интерпретера) переводчика, я и мои по заключению товарищи Граудин и Селезнев стали ожидать часа прибытия поезда на ст. Кандалакшу, с которым и надлежало уехать нам в гор. Мурманск. Однако ждать поезда пришлось недолго, в 3 ч. 30 м. поезд прибыл на станцию и мы, окруженные железным кольцом конвоя, следовали по направлению к вагону специального для того назначения с надписью мелом на английском языке вдоль вагона „Руссен призерст“, т. е. русские пленные. Войдя в вагон нам предложили сесть и конвой сопровождавший нас в числе 10 человек последовал за нами в тот же вагон, в сопровождении сержанта и переводчика. Такой чрезмерно большой наряд конвоя, данный для нашего сопровождения, воочию доказал нам, что, повидимому, союзное командование отнеслось к нам, как к тягчайшим преступникам и исходя из опасений к нам назначило такое большое количество людей для нашего сопровождения. Конвой, сопровождавший нас, повидимому был заранее предупрежден кого сопровождает и за все время нашей стоянки поезда на ст. Кандалакше, не промолвил с нами ни единого слова. К отходу и прибытию поезда на провинциальных станциях вообще принято—местные жители приходят на станцию встретить или проводить друзей своих, родных или своих знакомых. В открытую дверь вагона нам было видно проходившую мимо нас гуляющую публику, на минуту останавливающуюся около нашего вагона. Среди проходивших были кой-кто и из наших знакомых, которые узнав о нашей участи и нашем положении, делали попытку передать нам кое-что из с'естного и табаку, но бесжалостный и бесчувственный конвой сурово отзерг всякого рода исходящие к нам подаяния и мгновенно прикрыл дверь. Получасовая остановка поезда на станции быстро прошла. Сменившаяся бригада и паровоз были готовы к дальнейшему следованию. Раздался третий гудок и поезд сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее покагил по железному пути в гор. Мурманск. Путь от ст. Кандалакша до гор. Мурманска исчисляется в 280 верст и при плохоборудованном пути Мурманской жел. дороги понадобилось бы времени для проезда до Мурманска около 24 часов, т. к. поезда в то время ранее указанного времени не достигали своего назначения.

Наши предположения о суровости конвоя, сопровождавшего нас, однако не оправдались. Миновав одну станцию от ст. Кандалакша, наш конвой предложил нам из своих запасов, откусать с ними чашку кофе, уделив нам по булке белого хлеба, весом около 2 фунтов каждая, покрыв его сверху толстым слоем лимонного варенья. Понятно, отказаться нам от такого угощенья было неудобно, да к тому еще и кушать нам хотелось основательно и мы все трое принялись есть и пить предложенное нам с'естное. Однако, как ни велик был наш аппетит, однако преподанного нам оказалось с избытком. После названного обеда, как всегда и все, принялись курить крепкие английские сигаретки, к истреблению коих не остались безучастными и мы. Вскоре после всего этого между нами и нашими сопровождающими конвоирами завязался оживленный разговор, вскоре принявший характер политической окраски. Наши спутники оказались очень словоохотливыми, задавали нам различного рода вопросы, как

напр. Что такое большевик, Советская власть и проч.? Мы же в свою очередь задавали им различные вопросы, спрашивали о их целях приезда в Россию, долго ли намерены пробыть и т. д. Ответы получались через переводчика и непосредственно, с трудом объясняя одни другим, частенько прибегали к языку Эсперанто, при помощи коего и вели разговор, не затрудняя переводчика. Из их ответов мы ясно уяснили, что они приехали на фронт — на охрану побережья Северного Ледовитого океана и Белого моря от немцев и их подводного флота, прошедших якобы через Советскую Россию (т. е. большевистскую), т. к. им в Англии было из газет известно, что большевики вступили в союз с немцами, а поэтому правительство Англии и прислало их сюда. Мы же говорили обратное, что Советская Россия (большевики) не допустят этого и что их требования перед другими европейскими странами о немедленном прекращении братоубийственных войн, служащих на пользу капиталистам — во вред рабочим и крестьянам. Мало по малу наши спутники стали с доверием относиться к нашим доказательствам, симпатии их к нам заметно увеличились и из последних разговоров их к приезду в город Мурманск можно без затруднений было узнать о их намерении прибыть в Мурманск и узнать от своего командования правильно ли, что они приехали на Мурманский фронт против русских рабочих и крестьян, войны с которыми повидимому они избегали. Час от часу путешествие наше становилось все ближе и ближе и наконец мы прибыли в гор. Мурманск. Но так как в это время в гор. Мурманске не было специальной тюрьмы, а просто был деревянный барак с решетками, да к тому еще был настолько переполнен к нашему приезду пленными, как и мы, что там трудно поместить куда-нибудь хотя бы даже воробья. Офицер, проверивший сопровождающие нас документы, переданные ему от сопровождавшего нас и конвоя (сержанта) приказал отвести нас в военный порт, куда мы и были доставлены, разместив нас в какой-то сторожевой будке, где нам троим было невозможно не только лечь, но и сесть. Так мы провели первую ночь без света и пищи в гор. Мурманске.

Отправка из Мурманска.

На следующий день после 12 часов дня нам дали по кружке чая и по паре бисквитов. Одновременно с этим пришел сербский офицер и заявил, что нас сегодня же увезут из Мурманска. На наш вопрос куда? Последний, ответил незнанием. Переписав наши фамилии, офицер быстро удалился, а мы остались в той же будке, окруженные двумя часовыми. Около пяти часов дня к будке, где мы находились, подошел офицер, два сержанта и пять человек солдат, повидимому конвоя, дверь будки открылась и нам предложили следовать за ними. Выйдя на тесовую площадку военного порта, т. е. пристани, мы увидели, что в конце площадки, около какого то тральщика, стоит другая толпа таких же арестованных, как и мы, но только еще больше конвоя. Вскоре к ним подошли и мы, сопровождаемые нашим конвоем. В толпе, к которой нас привели, я опознал своих ближних по службе друзей, там был тов. Иванов М. И., член

Кандалакшского Совжедора, председатель Совжедора тов. Пасторов и кроме них четверо нам неизвестных. Встретившись с ними, мы сделали попытку обменяться парой слов, но конвой был настолько строг, что за малейшую попытку произнести одно слово готов был избить нас прикладами и мы остались, сохраняя гробовое молчание. Вскоре к месту, где мы находились, построены в одну шеренгу, явился фотограф, сфотографировавший нас целой группой. Когда это было готово, нас повели под усиленным конвоем по площадке порта на трап тральщика, а еще спустя несколько минут мы отходили от пристани, сопровождаемые сотнями глаз английских моряков, стоявших на бортах своих поблизости судов. А еще спустя несколько минут от нашего взора исчез с горизонта город Мурманск. Вскоре гонимый морской волной тральщик, развивая ход узлов на 15 в час, был вблизи гор. Александровска. Мои спутники да и я задавали в то время невольно себе вопрос куда и зачем нас везут, но правильно го ответа, я полагаю, что никто из нас не мог бы дать. У одних являлись предположения, что везут в Англию в качестве военнопленных, а другие полагали, что нас увозят куда-нибудь на берег в более отдаленное от жилья место и там покончат со всеми нами самой суровой расправой, сбросив с колосниками в воду или расстреляют на ближайшем островке. А в это время наш тральщик миновал уже город Александровск и выходил в Северный Ледовитый Океан. Команда конвоя, сопровождавшая нас, была в целом своем составе и состояла и из русских бывших офицеров и юнкеров, поступивших на службу в великобританскую армию. У большинства из них на груди имелись знаки того или иного военного училища и офицерские Георгиевские кресты, что и дало нам полную возможность узнать их независимо от того, что они с нами не промолвили ни одного слова и были одеты в английскую военную форму. Около 3-х часов утра следующего дня наш тральщик подошел и причалил к борту одного из военных морских судов Англии, стоявших на рейде заслоном при проходе в Мурманскую бухту. Привезший тральщик какой-то груз для крейсера в числе 3-х тюков, быстро сдал их и снова поплыл вдоль Ледовитого Океана, а еще спустя несколько минут скрылись видимые до сего берега в каком бы то ни было направлении. Мы помещались на открытой палубе тральщика и холодный морской ветер с ног до головы обхватывал нас, до костей пронизывая наше тело, благодаря нашей легкой одежде. Сердитые волны Ледовитого океана так выбрасывали наше судно, что мы ежеминутно ожидали его гибели, среди этих громадных волн наш тральщик казался не больше, чем маленький с удочки поплавок. А на людей, находящихся на нем, в том числе и команду судна, настолько подействовала морская качка, что большинство из них лежало в безсознательном положении, ежеминутно ожидая, что гуляющие по палубе волны унесут в море нас и наш конвой, но благодаря железным щитам, находящимся на носовой части тральщика, спасло нас и не дало сбросить в море. Около 7 часов утра с палубы нашего траулера стал виден берег, а еще спустя полчаса мы были у крейсера „Кохран“, который стоял у входа в Печенежский залив (что находится в 11 километрах от Норвежской границы). Как только тральщик успел пристать к борту названного

крейсера, нам было приказано подняться по веревочной лестнице на стоящий крейсер. Спустя еще пять минут мы были на крейсере, в специально отведенной для нас каюте и приготовились к встрече обещанной нам пищи, о чем нам сообщили в момент приема нас на крейсер, когда производилась по списку личная переключка. Охрана нашей каюты перешла в это время в руки команды этого крейсера под наблюдением одного из флотских офицеров английской службы. Как в момент обеда, так и после него, в то время, как отлучался куда-нибудь дежурный офицер, английские моряки приносили нам и передавали в присутствии часового нам хлеб, табак, варенье и сигаретки. Многие из них интересовались знать кто мы и за что находились здесь? Как только умели, мы им все объяснили и вскоре после этого мы увидели еще больше симпатии к нам и общее недовольство моряков было направлено на тех, кто их послал сюда. Заметив это, командный состав корабля вскоре постарался нас изолировать с судна куда-либо в другое место и к вечеру того же дня, часов в 8, мы высадились в моторный катер и через несколько минут мы были доставлены на берег в Печенегский монастырь, где и посадили нас временно на чердак одного пустующего дома, где и находились впоследствии наши караульные солдаты, из числа русских юнкеров и офицеров.

Печенегская тюрьма.

Спустя три дня на пополнение Печенегской тюрьмы к нам пришла еще одна группа в числе 13 человек арестованных советских служащих и ответственных работников, в том числе председатель Кемского Исполнительного Комитета тов. Мосорин А. И., военный руководитель Гаврилов И., Уездвоенком тов. Фостий, секретарь тов. Нацаренуса (Наркома) и много других ответственных работников, арестованных англо-сербскими на своих служебных постах. Помещение чердака дома, где мы все находились, быстро переполнилось и несмотря на все строгости офицерского конвоя, не лишены были возможности побега со стороны арестованных. Учитывая это, командование задалось целью построить подземную тюрьму, а пока до постройки ее применить к арестованным усиленную репрессию; нам было запрещено ходить, курить, разговаривать между собою и за малейшее нарушение сего было приказано без предупреждения стрелять. Всякого рода вещи и верхняя одежда от нас была отобрана, постельные принадлежности никто не имел права и спросить, за малейшую попытку просить что-либо избивали прикладами, а нередко и штыком, как и имел место случай с тов. Ивановым, которого часовой ударил штыком за то, что последний после 15-ти часовой дневной работы не мог быстро взойти по лестнице чердака двух-этажного дома. Медицинской помощи никогда и никому не было оказано, действительно больных врач признавал здоровыми, а после всего этого подвергали больного или избиванию или сажали в карцер, специально приспособленный в печи кирпичного монастырского завода. В течении 15 часов ежедневно все без исключения арестованные должны были работать по постройке специальной земляной тюрьмы;

лицу арестованные получали каждый на руки, за проработанный день выдавали два бисквита и 200 грамм холодной воды. Такая пища издавна ведется у англичан для военнопленных, которую помимо нас применяли к военнопленным Германии, в период войны 1914—1918 гг. Так продолжалось в течение целого месяца. 28 августа 1918 года, с момента падения города Архангельска, усердные юнкера и офицеры, окарауливавшие нас, были отправлены на Архангельский фронт и взамен их окарауливание нас приняли сербские войска, в изобилии находившиеся в то время на Мурмане. Сменились люди, но не изменился режим, те же ежеминутные угрозы, избиения вошли в обычное явление по отношению к нам. Мы же этим временем успели устроить себе новую земляную тюрьму и были переведены туда для дальнейшего содержания, под стражей. Устройство новой тюрьмы напоминало собой ничто иное, как лисью нору, потому что в ней, кроме входных дверей, наглухо устроенных и находящихся постоянно запертыми на замок, не было ни одного окна. Вокруг землянки был устроен высокий земляной вал, на вершине коего и вокруг землянки были поставлены провололочные заграждения, а на верху этого вала круглые сутки ходили двое часовых. Выходные ворота из крепости были устроены с северной стороны, с двумя рядами колючей проволоки, рогаток, которые на ночь, когда входили в землянку вечером, после окончания работ рабочие, закрывались и открывались только тогда, когда вновь рабочих нужно было вести на работу. Работа арестованных в это время была преимущественно рытье торфа в болоте, примерно верстах в 1^{1/2} от названной землянки. Из начальствующих лиц нас никто и никогда не посещал, жаловаться кому бы то ни было другим было бесполезно и мы всецело отдались на волю судьбы, потеряв всякую надежду на освобождение. Весточки никакие до нас не доходили и мы не знали, что делается вокруг нас, не говоря уже о Советской России. Произвол над нами со стороны сербов царил полностью. Несмотря на грязную работу по вырыванию торфа, рабочим не давали ни малейшей возможности вымыть себе не только лицо, но даже и руки и несчастным приходилось по несколько месяцев ходить и носить на себе горы грязи. В течении пяти месяцев никому из арестованных не была предоставлена баня, белья никому не было выдано ни одной пары, а имеющееся на нас белье в количестве одной пары, по истечении 1^{1/2} месяцев, сгнило и свалилось с плеча, не оставив даже в целости и швов. Так проходила жизнь заключенных в течении пяти слишком месяцев, но вскоре после этого сербский караул охранявших нас солдат был заменен английскими солдатами, благодаря коих режим был несколько ослаблен, да к тому еще они мало понимали наш язык и не запрещали нам говорить между собой. Должен заметить, что караул, состоящий из английских солдат, был поставлен к нам на более продолжительное время, т. е. караульная команда английской армии несет службу постоянно и сменяется другой частью не иначе, как уходом последней из места стоянки, или будет что-либо замечено не разрешенное начальством, т. е. нарушение существующих правил общения с военно-пленными и арестованными. По прошествии двух—трех недель, английский караул мало по малу стал интересоваться изучением русского языка, а также

проводя значительную часть времени с нами после вечерней поверки, когда уходил дежурный по лагерю офицер. Были нередки случаи, когда солдаты после вечерней поверки открывали с замка дверь и входили к нам в землянку на более продолжительное время и там устраивали себе школу, как по изучению русского языка, так и по вопросам интересующих их о России, большевиках и проч. И с тех пор все больше и больше между нами с одной стороны и солдатами с другой стали завязываться добро-соседские отношения, дошедшие до того, что солдаты вскоре стали угощать нас всем тем, что сами могли получать при английском фронтовом пайке, не жалели даже отдавать подчас последнее. В течении дня мы по прежнему ходили на разные хозяйственные работы и даже в мастерские, где еще больше могли пользоваться свободой. За это время большинство из нас научилось передавать на английском языке, целые фразы, а некоторые и всю разговорную речь, как устнотак и письменно. Почти это же самое проделали и наши караульные солдаты, прибегая подчас к помощи переводчика или самоучителя. С тех пор наши беседы принимали все более и более оживленный характер, нередко превращаясь на вид в летучие митинги. С первых дней наших бесед нам удалось от английских солдат узнать, что часть значительная из них принадлежит к партии демократов, что и заявили наши собеседники, придя в нашу земляную школу. Воистину, с того времени наша землянка превратилась в подпольную школу. Слово „Камрад“, т. е. товарищ стало общеупотребительным, как со стороны заключенных, так и со стороны охраняющих солдат. Переводчик у нас в то время был из среды заключенных, некто тов. Мартин, живший более двух годов в Америке, как эмигрант, но за стачку и агитацию среди индустриальных рабочих Америки был выслан через Англию в Россию Северной области, откуда и попал к нам в ссылку -- в Печеньгу.

Побег из тюрьмы тов. Подвойского И. И. и Энбельгарда.

Общение с солдатами караула и политшкола быть может продолжалась бы еще и долго, если бы не побег вышеупомянутых товарищей, нахсдившихся в то время совместно с нами. На утренней поверке следующего дня (примерно в первой половине декабря месяца), как только выяснилось о побеге двух заключенных, дверь нашей землянки вновь по прежнему закрылась наглухо и открывалась только тогда, когда производили утреннюю или вечернюю переключку или когда нужно было кого-либо взять на ту или другую работу, причем на каждого сопровождающего было увеличено число выводных солдат, а также и был усилен вообще караул по охране нашего заключения. Побег означенных товарищей навел такой переполох среди англо-сербского командования, что последние решили во что бы то ни стало поймать убежавших и выслали немедленно различные отряды по всем направлениям на их поимку. День спустя означенные товарищи были пойманы и водворены обратно в Печеньгу, посажены в карцер со строгой изоляцией по всем правилам английского режима, применяемого к военнопленным.

795983

ВОЛОГОДСКАЯ
общественная библиотека
им. И. В. Бабушкина

Пробыв 7 суток, беглецы были освобождены из карцера и переведены к нам в землянку, а дня через два после этого в целом своем составе караул наш был заменен другим (тоже английским) а еще спустя дня три мы были выведены со всеми вещичками, которые разрешалось иметь при себе, на улицу, где был произведен нам личный осмотр (как-бы поверка в смысле благонадежности), в момент коего всех подозрительных отводили вправо и по окончании смотра, группе, стоящей вправо, в том числе находился и я, было об'явлено, что сегодня с отходившим пароходом нас увезут отсюда из Печеньги, но куда—не знали. Группе, стоявшей налево, было приказано возвратиться в землянку, а нас отвели в другое изолированное от них помещение. Вскоре, дав нам путевое провиантское довольствие на путь следования—по 7 шт. бисквитов и по 1 штуке (фунтовых банок) мясных консервов, а спустя еще час нас под усиленным конвоем доставили на пароход (морской тральщик) для дальнейшего направления.

Из Печеньги в Александровск и жизнь в последнем.

На пароходе от моряков команды судна нам удалось выяснить, что наш пароход идет в Мурманск, с заездом в город Александровск. На утро следующего дня мы прибыли в город Александровск и нас сняли с парохода на берег, затем вскоре привели к деревянному одноэтажному зданию, каковое и было оборудовано по всем правилам арестного дома, что и стало местом нашего дальнейшего пребывания. Караул, принявший нас, состоял преимущественно из итальянских солдат, под наблюдением одного, из итальянских офицеров, а конвой, доставивший нас с пароходом, по сдаче уехал обратно. Новый караул—новые и стали порядки. новое началось изучение итальянского языка, новый подход к делу, новое общение с солдатами итальянской армии. А в это время заболевание цингой и другими болезнями, как-то простудой, тифом все более и более увеличивалось среди заключенных, особенно много заболеваний было цингой. Лишенные всякой медицинской помощи, больные вскоре перестали таскать ноги и валялись целыми сутками на холодном и грязном полу, без какой-бы то ни было постельной принадлежности. Единственным средством против цинготных заболеваний служила в то время среди заключенных лимонная кислота, которую и выдавали нам два раза в неделю по две столовых ложки на человека, распределение которой производилось под наблюдением одного из караульных офицеров итальянской армии. Это производилось исключительно лишь только потому, чтобы оставшуюся в глиняном балоне лишнюю ложку лимонной кислоты сдать обратно в цейхгауз для распределения и отчета в последующие затем дни, т. к. итальянские солдаты и офицеры из числа находившихся в то время в городе Александровске состояли на продрпайковом довольствии из английской морской продбазы, перед которой и отчитывались в израсходованных продуктах. Так шли дни, недели и месяцы заключенных, ежедневно принудительным порядком выгоняли на работы, не считаясь ни с какими доводами больных; заявлений о причинах плохой одежды или обуви подавать не разрешалось, а также и мотивировать невыхода на работу. Когда кто-либо

из заключенных ссылался на плохое состояние своего здоровья или на одежду и не выходил по первому вызову на работу, то к таковым лицам применяли вооруженную силу и с прикладным боем больного и босого выгоняли на улицу, а там и вели к месту работ. Работа заключенных заключалась в выгрузке тех или других грузов, прибывающих в вышеупомянутую продбазу, которая и находилась в г. Александровске и служила преимущественно для войск Северного района и всех оперирующих военно-транспортных судов всего северного района, начиная от Норвежской границы до гор. Мурманска, включая сюда и часть Кольского полуострова.

В конце декабря месяца 1918 года к нам в Александровск прибыли и оставшиеся после нашего отъезда в Печенье наши остальные товарищи в числе двух партий, численностью каждая из них до двадцати человек и помещение нашего лагеря настолько стало переполнено, что трудно было на полу найти место, куда бы было можно на ночь лечь отдохнуть. Болезненное состояние заключенных все более и более ухудшалось и заболевания цингой и болезнь свила себе среди нас прочное гнездо. Один за другим стали выбывать из строя наши товарищи, часть их пришлось отвезти на кладбище, а другие, не могущие даже двигаться, были частично отправляемы с приходящими пароходами в Мурманск. В том числе были направлены и мы, присланные в Александровск с первой партией. В Мурманске мы были помещены на корабль „Чесму“, где и находились до февраля м-ца, но ввиду побега товарищей в числе 6 чел., в том числе и тов. Подвойского, нас отправили обратно в г. Александровск. Больных, отправленных якобы в Мурманск, помещали в госпиталь для военнопленных на излечение, но в действительности это было далеко не так; все увезенные от нас больные в г. Мурманск, там были помещены не в госпиталь, а в какой-то тесовый барак летнего типа, куда раз в неделю заглядывал врач или фельдшер, от которого больным все же не было слаще, т. к. последний хотя и производил их осмотр, но лекарств каких-бы то ни было, если не считать того, что давали лишнюю ложку лимонной кислоты, никаких не выдавали. Пища по прежнему оставалась та же и даже, как больным, выдавали несколько лишь меньше против того, что получали мы, оставшиеся в Александровске. Так как мы еще в то время могли двигаться и работать и вот за каждый проработанный день нам давали дополнительно к положенному пайку по 1½ фунта сушеных галет и по 4 золотника сала. Должен заметить, что так называемые „среди нас“ приготовлялись с половиной примесью костяной муки в искусственно приготовленном виде и по существующей обычной форме настоящих бисквитов, причем есть их в неразмоchenном виде не представлялось возможности, ввиду их чрезвычайной твердости. Полное отсутствие белья и бани, да к тому еще и уплотненность до невозможности, дали полную возможность накопиться такому большому количеству насекомых (вшей), что нередко последних можно было видеть простым глазом, не наклоняясь к полу, ползающих целыми кучами, не говоря уже о том, сколько каждый имел их в своей одежде. Мне лично пришлось видеть такой случай, когда с умершего в нашей половине барака помещавшегося с нами, высланного из Англии еврея

насекомых соскребали палкой, причиной смерти коего вероятно и послужили эти насекомые, т. к. умершему было около 60 лет. и он не в состоянии был ежедневно и постоянно бороться с ними так, как проделывали это мы в вечернее время по окончании наших дневных работ. При таких условиях жизни мы проводили целую зиму в городе Александровске.

Переброска из Александровска в Мурманск.

Это было в конце апреля месяца 1919 года — По каким то, неведомым для нас, соображениям союзному командованию понадобилось нас, первую партию прибывших осенью в г. Александровск, перевести в г. Мурманск. Причина неизвестности оставалась для нас полным секретом, одни из нас утверждали, что отправляют на суд в город Мурманск, так как у большинства из нас следствие было закончено к тому времени, другие утверждали, что отправляют нас как рабочую силу, в которой в то время ощущался в Мурманске крайний недостаток ввиду того, что все мужское население в возрасте до 55 лет призвано было в войска. Предположения наши были различные и убедиться в цели нашей отправки в Мурманск было можно только тогда, когда мы пробыли несколько дней в Мурманске. Спустя дня два после нашего приезда в Мурманск (партия наша состояла из 19 человек) нас посетила судебно-следственная власть, отобрав с нас еще дополнительное показание и объявив нам, у кого было закончено к тому времени следствие, что мы привлекаемся к ответственности за ниспровержение существующего в России Государственного строя. На мой вопрос к следователю: „Какого государственного строя?“, последний ответил, что того, какой был до революционного времени. Тогда для нас стало понятно, почему с нами находились в лагере люди и чуждые интересам нашей коммунистической партии, как это и было с заключенными, инженером Песенниковым, который принадлежал к партии правых эсеров. Но по прошествии 8-ми месячного пребывания совместно с нами и в одинаковых условиях, упомянутый выше инженер настолько изменил свои убеждения, что у последнего появилась твердая и полная ненависть к остальным товарищам по партии, которые оставались в ней до настоящего времени, поддерживая всеми силами и средствами Северное белогвардейское правительство, совместно с их дорогими союзниками. Тогда и цель нашего приезда в Мурманск была вполне ясна, предположения наши до некоторой степени вполне оправдались, так как помимо мною вышеупомянутого некоторых товарищей из нашей группы, приехавших, стали выгонять на те или иные хозяйственные работы, как то — за водой на бассейн, которую привозили преимущественно людской силой, заготавливали дрова для отопления своего помещения, очистка двора между баракком и проволочными заграждениями от разного мусора и отбросов, выносимых из караульного помещения, где находился караул охранявшей нас полуроты английских солдат. Питание наше недели две спустя по приезде в Мурманск, было немного улучшено и нам в то время стали выдавать из общего котла для арестованных горячую пищу, которая состояла из мясного супа, один раз в день и от 4—5

шт. таких же галет, что выдавали нам в гор. Александровске. Нас по прежнему стали выводить ежедневно на те или другие хозяйственные работы, но под самым строгим и усиленным конвоем. К концу мая месяца привезли и еще одну партию из гор. Александровска, примерно человек в 20, с которыми они и начали производить обычные работы, нас же в это время, у кого считалось законченным следствии, прекратили водить на те или другие работы и нам целыми днями приходилось сидеть в запертом на замок помещении и под усиленной охраной выше названного английского караула.

К этому времени мне и моим 3 м товарищам Сергееву, Морозову и Нюйкину было пред'явлено обвинение по 126 ст. 106—108 ст. ст. старых царских законов. Учитывая заранее суровость приговора по вышеназванным статьям пред'явленного нам обвинения, мы решили бежать во чтобы то ни стало, не считаясь ни с какими последствиями, даже жизнью, но как бежать и где найти приют на первое время, если побег удастся—не знали. Пытались проделать это посредством пролома пола, через подкоп под стену, но приняв во внимание еще не оттаявшую под полом почву, т. к. это было в последних числах мая, а на Мурмане к этому времени только что освобождаются от снега одни вершины гор, целый ряд вокруг барака наружных проволочных заграждений и наружную охрану часовых,—задуманный нами план побега пришлось изменить и найти другой выход из этого заколдованного круга. Решили пройти из барака в открытую дверь, когда по утру следующего дня придет конвой за рабочими из уголовных арестованных, часть которых ввиду неимения помещения находилась с нами и ежедневно ходила на те или другие работы.

Побег из лагеря.

Дождавшись желанного утра, назначенного для побега дня, когда пришел конвой и стал выводить на работы, мы решили воспользоваться слабостью последних, т. к. последние в лицо нас никого не знали и производили только счет выведенных на работы, для того, чтобы отметить это в дневной записке своему офицеру, т. е. караульному начальнику. Обменявшись с товарищами, остающимися в бараке, одежками по вызову на работу, мы вышли в темный корридор барака, а оттуда после общего подсчета нас вывели на улицу и в общей толпе привели к месту работ. Первоначальный план нашего действия удался нам блестяще. Теперь перед нами оставалось только одно, чтобы незаметно скрыться от глаз часового. Придя к месту работ и при распределении на группы, нам удалось остаться в одной группе, что и служило для нас полной возможностью отвести глаза часового на остальных 5 человек нашей группы, которые вовсе не намерены были бежать, т. к. они были осуждены на срок не превышая шести месяцев. Но оказать нам посильное содействие было их общим желанием. Оставшиеся с нашей группой двое часовых вскоре достали свои сигаретки и принялись курить их, присев на доску, прижавшись всей спиной к стене одного деревянного барака, который являлся временным лазаретом. где мы и производили свои работы по очистке двора. Один из товарищей нашей группы отправляясь с

наложенной в тачку землю, обратился к одному из часовых и попросил указать ему место, куда должна быть сваливаема увозимая земля, на что последний и согласился. Как только они успели от нас на несколько шагов удалиться за стену соседнего здания, а второму из часовых не было нас видно, да к тому еще он продолжал по прежнему покуривать с наслаждением свою сигаретку, мы воспользовались этим и пустились все трое бежать по направлению к прилегающему невдалеке мелкому болотистому кустарнику, находившемуся от нас на расстоянии не более 50 сажен. Как пробежали мы это расстояние — я точно не представляю, бежали все почти гуськом и вот мгновенно достигнув вышеупомянутого кустарника я почувствовал, что что-то тяжелое привалило мне к горлу и мне нечем было дышать, силы меня после 11-ти месячного заключения в тюрьме окончательно оставили и я чувствовал сильное головокружение и тошноту и я упал на землю. Бежать дальше был не в состоянии, но заметив что я упал, впереди меня бежавший товарищ Сергеев вернулся и стал поднимать меня, сбросив мое верхнее платье. Я за это время пришел в себя и отдавая действительности происшедшего, со свежими силами вновь бросились бежать до тех пор, пока не миновали болото и не скрылись за гранитную высокую скалу Мурманских гор. Направление наше было пройти вдоль Мурманской бухты к Северному Ледовитому Океану, на расстоянии 10—12 верст и там в горах найти себе первоначальный приют. Пройдя верст 5 от гор. Мурманска, в упомянутом выше направлении, мы натолкнулись на морской сторожевой пост и при нем склад с разным морским имуществом для судов дальнего плавания. Мой спутник т. Сергеев случайно вспомнил, что в этом посту до дней его ареста в 1918 году у него служил здесь один из его товарищей моряк, но служит ли последний на этом посту до настоящего времени — было неизвестно, т. к. прошел уже довольно длительный период с тех пор, как они не имели переписки, а также и видаться лично. Подойдя близко к упомянутому посту и берегу бухты, мы увидели двух рыбаков, к которым и осмелились подойти и подробно узнать от них — кем охраняется, т. е. обслуживается этот пост. Получив ответ „Что он охраняется английской морской пехотой“, но как последним известно, что там есть и русские моряки, мобилизованные с Русского Мурманского флота. Узнав от рыбаков все необходимое, мы начали просить их, чтобы один из них прошел к казарме и если среди солдат охраны поста есть тот, кого нам было нужно видеть, то последний пусть выйдет наружу из своего помещения. С этими словами мы отошли от берега по направлению к кустам, а просимый нами рыбак пошел к казарме поста для вызова знакомому Сергееву его старого товарища. Имея опасения к рыбаку, ушедшему в казарму, мы подались еще вперед и скрылись, прилегли на землю в ближайших кустах, откуда и имели наблюдение за казармой и вышедшими из нее корелом-рыбаком и товарищем моряком, нами вызываемым. Как только последние сошли с крыльца казармы на землю и направились по направлению к берегу, где стояла рыбацкая лодка, мы вышли из леса им на встречу и вскоре крепко жали друг другу руки. Обменявшись в двух-трех словах мнениями о том, как освободились, мы стали просить последнего помочь нам чем только он может. К

тому еще просили упомянутого выше моряка сходить за 5 верст в город Мурманск, зайти в барак № 132, спросить рабочего т. Пангина и передать ему о нашем освобождении. А если последний пожелает нас видеть или послать что-либо, просили моряка все доставить нам в условленное место.

Примечание: Рабочий тов. Пангин Томской губернии находился в тюрьме у белых в Мурманске около 5 месяцев за подозрение в большевизме и похищении одного пулемета при разгрузке транспорта в Мурманском порту, но за недоказанностью обвинений тов. Пангин в апреле месяце был освобожден, имея с нами близкое знакомство. Условившись с вышеназванным моряком, о месте нашей вторичной встречи, мы намерены были поспешить идти дальше, дабы избежать ежеминутно угрожающей нам опасности, но моряк настойчиво стал просить нас зайти к нему и взять у него кой-что из продуктов, пока что на первое время, а потом он обещал в этом отношении устроить нас в дорогу как следует. Невозражая против его предложения, мы согласились зайти в казарму, взять предложенное, т. к. по его словам в казарме никого кроме его и еще одного товарища не было. Взяв предложенную нам провизию, поблагодарив его и пожав крепко руку, мы быстро оставили его жилище и удалились в лесистые горы для того, чтобы провести там надвигающуюся ночь и избежать поимки, так как оставаться на долгое время в казарме было весьма для нас рискованно. Первую ночь после нашего выхода на свободу мы провели до 2-х часов утра не спавши в одном из ущелий среди гор, между которыми был большой овраг и по нему протекала маленькая реченка, впадая в Мурманскую бухту. Несмотря на то, что эта ночь была с 28 на 29 мая, а на Мурмане все-таки значительно холодно и видны целые горы не растаившего снега. Не будь бы в эту ночь при нас спичек, которых дал нам любезный моряк, мы замерзли бы до смерти от ночного мороза. При помощи имевшихся при нас спичек мы быстро набрали с деревьев сухих прутьев и разложили костер, который согревал то одну, то другую оконечность нашего тела. Появляющийся от нашего костра маленький дымок незаметно медленно растилался по окружающему подножию гор лесу и не был замечен даже на полверсты кругом в противоположные от нас стороны. Так нам пришлось провести первую ночь после самого освобождения из Мурманской тюрьмы. По утра следующего дня, т. е. 29 мая, часов около 9 утра мы все трое отправились в условное для встречи место, которое было избрано нами неподалеку в стороне от морского поста, где служил тот моряк, который оказал нам первоначальную помощь. Условным местом, где упомянутый выше моряк предполагал оставить провизию, которую пришлют нам Мурманские рабочие через сибиряка тов. Пангина, было избрано полуразвалившееся Лопарское становище, с обвалившейся на нем из прутьев крышей, напоминавшее что то сходственное с избушкой северного лесника, которая и была избрана нами более всего удобной для встречи, да к тому еще и находилась не более, как версты 11² от казармы, где проживал названный выше моряк. Но т. к. означенная хата в любой момент могла подвергнуться посещению преследующей нас англо-русской жандармерией в лице контр разведок, мы условились все, что будет нам прислано, положить под пол этой избушки, прикрыв сверху каким-нибудь хворостом, так чтобы ни для кого не было заметно. Просидев день 29 мая среди ущелий гор, к вечеру около 6 часов мы отправились к условному месту и вскоре достигли своего назначения.

подойдя со всеми осто­рожностями к назван­ной избе­нке. По­скра­дыва­ясь и прислу­шав­шись, что ко­шка, дос­ти­гли стен ее и убе­див­шись, что ни­где ни­кого нет, мы во­шли в избе­шку. Бы­стро от­крыв пол в ус­лов­ном мес­те, мы уви­де­ли, что же­лае­мое на­ми бы­ло ис­пол­не­но. В уг­лу под по­лом сто­яли два сред­них раз­ме­ров ме­шка, пол­но­стью на­ло­жен­ные раз­лич­ных про­дук­тов; тут бы­ли по­ло­же­ны са­ло, хлеб, га­ле­ты, спич­ки, мо­ло­ко и проч. не­об­хо­ди­мые в до­ро­ге е­с­т­ные при­па­сы. Под­няв ме­шки, мы уви­де­ли за­пис­ку с при­ве­том от Мур­ман­ских ра­бочих, в ко­то­рой ме­жду прочим бы­ло упо­мя­ну­то о ка­кой-то вин­тов­ке и день­гах. За­пис­ка бы­ла без под­пи­си. Под­няв ле­жа­щие на зем­ле под ме­шка­ми прутья, кло­чки ка­ко­го то сгни­вше­го се­на, мы об­на­ру­жи­ли фран­цуз­ское ру­жье сис­те­мы Вин­че­стер и ря­дом с ним ме­ше­чек, в ко­то­ром на­хо­ди­лось к упо­мя­ну­то­му ру­жью 73 шт. со­от­вет­ст­вую­щих па­т­ро­нов, и 600 ру­блей де­нег вы­пус­ка Се­вер­но­го пра­ви­тель­ства, так на­зы­вае­мые „Чай­ков­ки“. По­лу­чив на­зван­ную по­сыл­ку, ко­то­рая во­истину для нас яв­ля­лась спа­саю­щим та­лис­ма­ном, мы за­ин­те­ре­со­ва­ны бы­ли еще раз уви­деть то­го мор­ря­ка, ко­то­рый дос­та­вил на­м это ты­ся­чу и од­но удо­воль­ст­вие, так цен­ное для на­ше­го даль­ней­ше­го пу­ти сле­до­ва­ния, и мы от­пра­ви­лись к ка­зар­ме мор­ско­го по­ста, где вс­ко­ре и встре­ти­лись с до­ро­гим для нас и вер­ным дру­гом мор­ья­ком. По­дроб­но уз­нав от не­го о при­слан­ных на­м от ра­бочих по­дар­ках и о том, кто при­слал на­м ру­жье, по­след­ний от­ве­тил, что ру­жье пе­ре­да­но бы­ло ему лич­но тов. Пан­ги­ным, ко­то­рый и про­сил вру­чить на­м для боль­шей бе­зопас­но­сти в пу­ти на­ше­го сле­до­ва­ния, по­ка мы не до­бе­рем­ся до Сов­рос­сии. За­тем мор­як пе­ре­дал на­м, что вче­ра вс­ко­ре по­сле то­го, как мы ус­пе­ли оста­вить их ка­зар­му, при­мер­но час спу­стя по­сле на­ше­го у­хо­да, к ним яв­илась со­ю­зная кон­тр-раз­вед­ка с де­сят­ком сол­дат, ко­то­рая про­из­ве­ла у них в ка­зар­ме по­валь­ный об­ыск, спро­сив их—не ви­дал ли из них кто бе­жав­ших в тот день трех че­ло­век во­ен­но­плен­ных боль­ше­ви­ков, опи­сав при­мер­но на­ши на­руж­ные при­меты, при­чем стар­ший в груп­пе сол­дат од­ин из рус­ских офи­це­ров, слу­жа­щих в Мур­ман­ской кон­тр-раз­вед­ке, до­ба­вил, что бе­жав­шие из тюр­мы ли­ца е­сть ни­кто и­ные, как яр­ые и ак­тив­ные сто­рон­ни­ки Со­вет­ской вла­сти, ко­то­рые мо­гут не ма­ло при­чи­нить им вре­да, е­сли не бу­дут не­мед­лен­но пой­ма­ны. Но по­лу­чив от­ве­т, что они эти мор­ря­ки са­ми со­сто­ят на оди­на­ко­вой с ни­ми слу­ж­бе Се­вер­но­го пра­ви­тель­ства и что ск­ры­вать они ни­ко­го не на­ме­ре­ны, оз­на­чен­ный вы­ше от­ряд кон­тр-раз­вед­ки по­ки­нул их по­меще­ние и ус­ка­кал в гор. Мур­манск для даль­ней­ших, по­ви­ди­мо­му, по­ис­ков. З­ная, что опас­ность на­с еще не ми­но­ва­ла, и оста­вать­ся око­ло ка­зар­мы бы­ло даль­ше опас­но, мы от ду­ши по­бла­го­да­ри­ли че­рез мор­ря­ка Мур­ман­ских ра­бочих и его за ока­зан­ную на­м по­мощь и под­дер­жку по­жа­ли друг дру­гу ру­ки и уда­ли­лись к мес­ту на­ше­го пер­во­на­чаль­но­го пре­бы­ва­ния, к ра­нее упо­мя­ну­то­му гор­но­му уще­лью. А ча­сов око­ло 2-х но­чи на 30 ма­я мы двину­лись в пу­ть, оста­вляя бы­ть мо­жет на­всег­да гор­ные уще­лья.

Дальнейший путь следования и его препятствия.

Пу­ть на­ше­го сле­до­ва­ния был из­бран при­дер­жи­вать­ся ли­нии по­лот­на же­лез­ной до­ро­ги для то­го, что бы мы не мо­гли ук­лонить­ся впра­во или вле­во и этим са­мым не дать се­бе по­гиб­нуть на­прас­но сре­ди бес­чис­лен­но­го мно­же­ства не­про­хо­ди­мых бо­лот и о­зер Мур­ман­ско­го края, да к то­му и не бы­ло еще при на­с ком­па­са. Обой­дя го­род Мур­манск с се­вер­но-вос­точ­ной сто­ро­ны, и прой­дя верст 10 от

гор. Мурманска на юго-запад по полотну железной дороги, мы вскоре достигли до железнодорожного моста через реку Колу, протекающую и называющуюся по расположенному по ней городу Коле. Но так как на упомянутом железнодорожном мосту мы обнаружили вооруженную из часовых охрану, то и пройти через него без установленного пропуска или документа не представлялось ни малейшей возможности и нам пришлось подняться версты на три вверх по течению реки и там искать того или иного способа переправы. Река Кола тянется на сотни верст из-за Финской границы и обойти ее также не было возможности, т. к. понадобилось бы перейти финско-русскую границу. Река Кола своей шириной почти всюду превосходит нашу реку Вологду и к тому еще имеет множество каменистых порогов, благодаря коим быстрота течения невероятная, да и к тому еще только что освободившаяся ото льда. Броситься вплавь не решился бы даже и тот, кто был бы приговорен к смертной казни. Местного населения кроме, как в городе Коле, не имеется, а поэтому и располагать на переправу на лодках было бы сплошным безумием; паромов или других переправ вброд также нигде не имелось и нам пришлось серьезно подумать о нашей через реку переправе. После долгих размышлений решили устроить переправу самым простейшим способом своими средствами и силами. Быстро отправились вглубь леса, расположившегося по обеим сторонам реки Колы, и вскоре нашли там поленицу разделанных аршинных дров, заготовленных жителями гор. Колы еще, повидимому, с зимы; затем нашли срубленную от дерева с прутьями вершину около 3-х сажен в длину и полусгнившее дерево, еще торчавшее на пне, подрубленное и сваленное на землю, вершина коего была отрублена, т. к. видимо дровосеком взята была одна середина названной выше с гнилью елки. Воспользовавшись всем найденным и доставив его на плечах к берегу реки, мы быстро начали сколачивать из него плот, на котором бы и могли переехать через реку, но т. к. гвоздей и топора при нас не было, то плот пришлось нам связать оторванными швами, т. е. рубцами от подола рубашек и отвязанными от продуктовых мешков концами завязок. Соорудив плот, сделав примерную с его подемности пробу, взяв в руки по полону дров, отвели плот к выше стоящему по течению порогу и придерживаясь течения реки, направились к противоположному берегу. Плот наш хотя и погрузился от тяжести в воду, но вполне выдерживал нас и не шел на дно каменистой Колы. Отъехав сажен 5—6 от берега, управляя взамен весел поленьями, плот наш потерял равновесие и нам с трудом удалось на нем удержаться, а в особенности в то время, когда мы успели достигнуть середины быстрого течения реки, но приложив последние усилия с быстроты течения середины реки удалось выбраться и таким образом нам удалось благополучно перебраться через реку на противоположный берег. Будь 2—3 минуты еще нашего промедления на середине реки, нас по течению быстрой реки снесло бы в глубокий, инде стоящий по течению, каменистый порог и тогда от нас и нашего плота, наверное можно сказать, что не осталось бы и следа. Перебравшись через реку Колу, мы быстро принялись разводить костер огня, для того, чтобы скорей просушить на себе мокрую одежду. Затем, вскоре взо-

шло палящее весеннее солнце и мы, просушив свою одежду, и по-согревшись сами, отправились дальше. Продвижению нашему много препятствовали попадавшие на пути различные реки, речки и топкие болота, благодаря коим нам приходилось не раз riskовать своей жизнью. Попадавшие на пути станции железной дороги и раз'езды приходилось обходить на значительном расстоянии стороною, дабы не мог видеть ни один глаз любопытного зрителя. Большинство маленьких речек и рек нам приходилось переходить или вплавь или вброд, где это только представлялось возможным. На 6-й день нашего путешествия рано утром мы прибыли на станцию „Имандра“, будучи уже вдвоем с тов. Сергеевым. На предпоследней станции перед Имандрой наш третий товарищ Нюйкин пожелал пойти на Финскую границу, где проживала его жена и там последний намерен был укрываться до тех пор, пока Север будет освобожден Красными войсками. И таким образом нам пришлось отдать всю оставшуюся при нас провизию, оставив при себе только деньги, которые нам дали Мурманские рабочие. Продукты пришлось отдать потому, что путь, ведущий к Финской границе на расстоянии 120 верст не имел не одного села или деревушки, и где бы можно было достать на деньги что-нибудь из с.естного. Мы же, имея деньги, могли это без затруднений достать у любой деревенской старушки. Итак, мы расстались с своим третьим товарищем. В Имандре нам пришлось на некоторое время остановиться для того, чтобы вновь запастись в дорогу необходимой провизией. К нам, присевшим покурить, вблизи станции Имандра, вскоре подошли проходившие по полотну железной дороги, играющие со станции подростки—дети, от которых нам и удалось узнать—сколько на станции находится солдат и кто они—сербы, русские или англичане, а также задавали мальчикам вопросы—не знают ли они—проживают ли на станции в данное время такие то и такие то люди, назвав их имена и фамилии. Мальчики оказались очень сведущими и на своей станции знали почти всех жителей и даже один из них согласился оказать нам маленькую услугу—сходил с поланными от нас деньгами в лавку и принес нам табак, спичек и несколько фунтов серого хлеба. Среди названных нами фамилий, мальчики знали только одно некоего тов. Типикина, который работал в то время в железнодорожной кузнице с тех пор, как ему удалось освободиться из белогвардейской тюрьмы. Арестован т. Типикин был за сочувствие большевикам, выразившееся в оскорблении английского офицера. Пробыв в тюрьме около 8 месяцев, тов. Типикин был освобожден и как выяснилось впоследствии—работал все время в вышеупомянутой железнодорожной кузнице. Других же товарищей, фамилии коих мы называли мальчикам, они не знали. Узнав подробно от мальчиков—где находится железнодорожная кузница, и кратчайший к ней путь, мы пошли к кузнице для того, чтобы увидеть там названного товарища Типикина. На наше несчастье в кузнице его в то время не находилось и нам пришлось вернуться обратно к тому вагону, который нам показал один из кузнецов той кузницы, где работал т. Типикин. Последний помещался в вагоне—теплушке, стоявшей на запасном пути ж.-д. полотна ст. Имандра. Прибыв к нему в вагон, мы не решились на долгое время оставаться, а попросили его

пойти с нами в лес и там поговорить обо всем более подробно. Через 10 минут мы все трое были уже в лесу, прилегающем неподалеку от станции и делились каждый своими последними новостями. По окончании нашей беседы тов. Типикин предложил нам побыть с часок еще в лесу, пока он сходит до станции и принесет нам все необходимое из съестных продуктов в дорогу. Спустя еще час. т. Типикин принес нам продуктов и денег и мы под вечер миновали ст. Имандра пошли дальше по направлению к ст. Кандалакша; от ст. Имандры последняя находилась на расстоянии 127 верст и следовать нам до последней пришлось на усталые ноги более 4-х суток. По Мурманским дорогам следовать более 25—30 верст в сутки не было никакой возможности. Местом нашего ночного отдыха служил лес, вправо или влево от полотна железной дороги и там, разложив огня, и согрев чай, в преподнесенном нам с продуктами, солдатском котелке, мы без боязни ложились отдохнуть для того, что-бы на следующий день с восходом солнца и с новыми силами двинуться дальше. Так провели мы в пути 10 дней, пока наконец успели добраться до ст. Кандалакша. Прибыв в с. Кандалакшу, неподалеку находящееся от ст. Кандалакша, где ранее моего ареста находился мой Штаб охраны, в котором мне пришлось пробыть более 2-х месяцев, а за это время понятно имелось и не мало разных знакомых. В с. Кандалакше нам необходимо было временно остановиться для того, чтобы от имеющих знакомых получить кой-какие необходимые для нас от них сведения и запастись в дорогу необходимой провизией. Рано утром, с восходом солнца, мы добрались до барака № 1002, где ранее проживал член местного Совдепа и Совжедора т. Иванов. Но т. к. последний был во время переворота арестован на Мурмане, ко дню нашего побега находился в Александровской тюрьме. По ранее полученным нами сведениям, что оставшаяся его семья из жены и детей проживает на старой вышеупомянутой квартире, мы и решили к первой из всех знакомых прийти к ней. Постучавшись легонько в дверь, вскоре последняя нам и открылась и на пороге была ее соседка м-м Кочанова, муж коей по подозрению в большевизме был арестован и по прошествии 9 месяцев был освобожден и находился совместно с своей семьей, работая при Кандалакшском ж.-д. депо. В открытую дверь, последняя после нашего отзыва, быстро опознала нас, пропустив за собою в комнату, где жила семья арестованного т. Иванова. Передав последним о том, как нам удалось освободиться и о том, что мы намерены пробраться в Советскую Россию, попросили последнюю оповестить об этом живущих в Кандалакше наших близких товарищей, в том числе и тов. Кочанова, который в то время работал в ночную в депо и в 6 часов утра последний должен был смениться и прийти домой. М-м Иванова этим временем предложила нам утренний чай и закуску и мы принялись за чай, в момент коего м-м Иванова справлялась о жизни, проведенной нами в тюрьме и в частности—о здоровья своего мужа. Затем на квартиру вскоре пришел с работы т. Кочанов, который, передав нам, что до ночи текущего дня мы должны во что бы то ни стало проводить здесь, т. к. многим из наших т. т. рабочих хочется нас видеть и поговорить кой о чем для них и для нас необходимым. Да к тому же еще и посты ми-

новать, стоящие на пути через Беломорские проливы, удастся только ночью. т. к. последние усиленно охраняются добровольцами легионерами и для того, чтобы пройти через них, нужно соблюдать чрезвычайную осторожность. ибо другого обходного пути не было и мы согласились с предложенным. Спустя час—два времени, когда мы уже отдыхали в запертом чулане, с великой осторожностью, тайком, в комнату к Ивановой, пришли ни для кого незаметными двое рабочих железнодорожников и у Ивановой спросили о нас. Последняя, зная от т. Кочанова о их преданности, к делу рабочих, пришла и позвала нас. При нашем появлении в комнату, последние бросились со слезами нам на шею и осыпали нас братскими горячими поцелуями. Обменявшись мнениями, передав им кратко о нашей жизни в тюрьме, просили последних в нужный момент организованно и дружно. обдумав заранее план действий, вступить в решительную борьбу против своих угнетателей, не дав возможности последним при бегстве с Мурманского края, под напором Красной Армии, сжечь и разрушить народное достояние или увезти его за границу. Затем, последние предложили нам кой-что из продуктов и предлагали денег. но от последних мы отказались. К вечеру этого дня в квартиру Ивановой были принесены нам подарки. (провизия), мы же в это время находились в лесу. боясь быть пойманными, да к тому еще в одной из квартир, где помещалась Иванова, проживал судебный следователь, коего разделяла от нас одна лишь полукапитальная стенка.

Около 2-х часов ночи мы возвратились из леса в квартиру Ивановой. К этому времени гуляющая молодежь в с. Кандалакша и по линии железной дороги, успела уже возвратиться по домам. Взяв мешки с наложенной нам в дорогу провизией и в сопровождении тов. Качанова и жены одного из тов. железнодорожников мы двинулись в путь, обходя станцию Кандалакша. по направлению к мосту через Беломорские проливы. На наше счастье в эту ночь и ввиду позднего времени, часовые ушли неподалеку в находящуюся от моста будку и нам удалось легко миновать, пройдя в темноте ночи и утреннего тумана через вышеназванный мост Беломорских проливов. Пройдя угрожающую нам опасность, узнав кой-какие сведения о противнике, главным образом о том, где по фронту сосредоточены его главные силы. Получив от т. т. железнодорожников письма к их по пути, вблизи фронта, знакомым, в которых означенные т. т. просили оказать нам содействие и указать кратчайший и более безопасный путь для того, чтобы пройти в Советскую Россию. С этими словами, мы отблагодарив своих спутников, расстались с ними, дав последним возможность воспользоваться туманом и благополучно пройти обратно до дому через опасное место. Итак, снабженные необходимым запасом продуктов, мы двинулись от Кандалакши по направлению линии жел. дороги к городу Кемь, но т. к. расстояние до г. Кемь от ст. Кандалакша почти около 300 верст, да к тому еще и путь крайне затруднительный в смысле различных переправ через мосты и реки. то нам понадобилось времени, пока мы успели дойти до ст. Кемь, ровно 8 дней. Узнав на предпоследнем разезде от жителей, что мост через реку Кемь охраняется двумя постами круглые сутки, а ст. Кемь ее депо обнесено кругом проволочным ограждением и в воротах

около полотна жел. дороги тоже находятся вооруженные посты, мы решили обойти город Кемь, взяв направление вправо к Финской границе. Долго пришлось идти по колено утопая в грязи и на комарах топкого болота, пока достигли дороги ведущей к селу Поддужемью и берега реки Кемь. Не имея при себе ни карты, ни компаса, мы долго блуждали по грязному, тянувшемуся на десятки верст, болоту, не раз пришлось менять свое направление и вновь выходить к тому месту, с которого зашли в указанное болото. Не раз пришлось подниматься на елку, стоящую где-нибудь посреди болота и там наблюдать—не виден ли где-нибудь огонек или что-нибудь из строений в той или иной стороне и когда все попытки наши были безрезультатны, нам пришлось добраться до первого возвышенного места среди болота и там прилечь или присесть отдохнуть от безрезультатного и долгого брожения по болоту. К тому еще и провизии у нас оставалось не более, как на один завтрак. Уставшие, выбившиеся из последних сил, мы упали на землю и несмотря на десятки тысяч комаров, окружающих нас, мы пролежали до утра, отдав себя почти беззащитно на съедение последних. Рано утром следующего дня до нас глухо стали доноситься паровозные гудки и мы, поднявшись с земли с подстрелянными глазами, с язвами на теле, двинулись в ту сторону, откуда до нас долетали слышимые паровозные гудки. Звуки с небольшими перерывами все яснее и яснее долетали до нас и мы вскоре добрались до берега заколдованной реки. По дороге с берега реки тянулись к фронту то и дело какие-то обозы и нам ежеминутно почти приходилось сворачивать с дороги вправо и влево, дабы не быть опознанными за беглецов, т. к. по нашему наружному виду не трудно было узнать, что означенные лица не имеют никакого пристанища, да к тому еще и одежда наша не только была в грязи и оборванная, но и имела целый ряд дыр, появившихся благодаря нашему многодневному ночлегу в лесу около костра, в холодные ночи и незаметно для нас самих погоревшая в нескольких местах. От встречного одинокого по дороге пешехода, к которому мы вышли навстречу, нам удалось узнать, что путь этой дороги, куда мы шли, ведет к селу Поддужемью и что мы находимся как раз на половине пути между городом Кемью и селом Поддужемьем, расстояние между которыми было 17 верст. Идя по берегу реки, немного придерживаясь левой стороны дороги, вскоре мы заметили вблизи у берега лодку и в ней двух девушек, на вид которым нельзя было дать больше лет 15—16. К последним мы обратились с просьбой довести нас за соответствующую плату денег до села Поддужемья. Девушки, повидимому хотя нас несколько по внешнему виду и боялись, но т. к. сами были из села Поддужемья, то вскоре согласились взять нас в лодку и мы были по пути к Поддужемью. От'ехав версты две, к девочкам в нашей лодке обратился с берега на корельском, непонятном нам языке, какой-то солдат, причем у последнего при себе была одета на ремень за плечами винтовка. Ответив ему что-то, наши спутницы быстро повернули лодку к берегу, передав нам, что их просит взять с собой этот солдатик. Положение наше в лодке становилось опасным, т. к. этот солдат в любое время мог спросить—кто мы или еще хуже для нас—попросить от нас документов. Но предположения наши бы-

ли ошибочными, солдатик, сев в лодку угощал нас сигаретками, причем очень мало последний мог говорить по русски. В дороге мы выяснили от наших спутников—какая часть войск стоит у них в селе и сколько. Затем, спросив можем ли мы в селе достать что-нибудь из продуктов на деньги, последние, ответив, что кроме рыбы и молока достать что-либо из хлеба нет ни малейшей возможности, т. к. все население окрестных волостей не получает ничего от союзников и питается преимущественно домашними овощами, рыбой и молоком. С разговорами незаметно для нас, мы быстро доплыли до села Поддужемья. К берегу, где пристала наша лодка, встретил девочек, вышел отец одной из них, который и получил от нас за труды этих двух девочек, доставивших нас на его лодке. Но т. к. время уже близилось к вечеру, то мы спросили у последнего—можно ли где-нибудь у них в селе переночевать и достать что-нибудь закусить. Последний предложил нам пойти к нему, т. к. это будет всего удобнее, на что мы охотно и согласились. Пройдя до половины села, где находился дом нашего хозяина, мы быстро, сопровождаемые им вошли в его квартиру, которая оказалась земской станцией, а хозяин наш ее держателем. Сделав хозяйское распоряжение согреть для нас чай, хозяин куда то вышел из комнаты. Спустя 10 минут, вновь явился к себе в квартиру и привел с собой двух вооруженных милиционеров, причем старший из них был вооружен не винтовкой, а револьвером. На вопрос, заданный нам пред'явить наши документы, мой товарищ Сергеев вынул из кармана имевшееся при нем по английски написанное удостоверение, с приложением его фотографической карточки и печати. В удостоверении значилось, что он, как сочувствующий большевикам, высылается из Англии в Северную Россию, по прибытии в Мурманск последний был еще в дороге арестован и как-то случайно совершенно сумел сохранить при себе означенное удостоверение, которое и было пред'явлено по требованию пришедшей милиции. Просмотрев пред'явленное милиционеру удостоверение, последний признав по прикрепленной к удостоверению фотографической карточке тов. Сергеева, но не зная английского языка, не мог знать, что в удостоверении было написано и поэтому решил, забрав удостоверение, отправиться к коменданту села, к одному из находящихся в нем английскому офицеру, а второй остался сторожить нас. Вскоре первый милиционер вернулся обратно, т. к. комендант села английский офицер уехал на полторы суток на море на рыбную ловлю, а поэтому и пред'явленное удостоверение прочесть не представилось возможным, которое вскоре было возвращено т. Сергееву на руки, дав возможность провести надвигающуюся ночь в упомянутом выше доме земской станции и утром следующего дня нас под наблюдением 2-х местных крестьян и одного попа, которые на лодке следовали от Поддужемья в город Кемь, нас направили обратно. Проехав половину пути до того места, где уже начинался порог, лодка, на которой мы все ехали причалила к берегу и дальше направляясь в город Кемь, пришлось бы всем следовать около 8—9 верст пешком. Убедившись в лодке дорогою, что наши путешественники в качестве сопровождаемых, никто не имеет при себе никакого оружия, мы как только успели сойти с лодки и подняться на берег, отказались пойти

дальше с ними в город Кемь и повернули от них в противоположную сторону. Последние, повидимому, не решались воспротивиться нашей воле, т. к. получив от нас на их просьбу пойти с ними в г. Кемь категорический отказ, последние пошли своей дорогой в гор. Кемь, а мы этим временем пройдя версты 1½ вдоль берега реки, встретили двух рыбаков, которые ловили в это время в реке сетями рыбу и попросив их взять нас в лодку и за вознаграждение перевести нас на противоположный берег реки, на что последние охотно и согласились, а еще спустя 3—4 минуты мы вышли из лодки на противоположный берег, и вдоль берега реки пробирались по густому лесу к линии железной дороги, по направлению к станции Сорока. Вскоре вышли из леса на полотно железной дороги и встретив одного идущего с нами по пути пешехода, который нес для ремонтных рабочих железной дороги из хлебопекарни мешок печеного хлеба. По нашей просьбе, последним было продано нам около 3½ ф. хлеба, с которым мы и дошли до ст. Сорока, проследовав примерно около 40 верст, в течении почти одних суток. В Сорока, как и в Кемь знакомых мы почти никого не имели, а потому и решили пройти ст. Сорока с правой стороны болотом, дабы не подвергнуться поимке; вокруг ст. Сорока были устроены деревянные наблюдательные посты, на которых, зная, что есть наблюдатели, нам в силу необходимости пришлось пройти стороною от них по глубокому торфяному болоту. Пройдя второй раз'езд по линии железной дороги от ст. Сорока до того места, где сворачивал влево от железной дороги Онежский тракт, по которому нам и нужно было идти для того, чтобы пройти через Онежский фронт в Советскую Россию, двигаться к фронту до ст. Медвежьей горы, где в то время находился усиленный фронт, не было ни малейшей возможности, а поэтому мы, пользуясь почти точными сведениями от населения и решили пройти чрез линию фронта на Онежском направлении, т. к. к тому времени на Онежском фронте было полное затишье. Да к тому еще и легче было для нас доставать себе продукты, т. к. по пути от Сороки до Онеги, много есть жителей, у которых мы и предполагали доставать себе на деньги хлеб. Избранный нами от Сороки путь до Онеги равнялся 250 верстам и нам понадобилось времени, чтобы достигнуть Онеги ровно 11 дней. Пищей нашей в дороге до г. Онеги являлась преимущественно рыба и молоко. Хлеба у жителей данной местности почти ни у кого не было, ввиду невозможной и затруднительной доставки от железной дороги гужем очень далеко, а суда морские ввиду отсутствия угля и мелководья вблизи гор. Онеги не могли двигаться ближе 3-х верст до существующей пристани и в результате населению Онежского уезда приходилось питаться преимущественно молоком и рыбой, да к тому еще и англичане боялись сосредоточить в Онеге какие бы то ни было склады с продовольствием, боясь, что последние легко могут достаться в руки Красной Армии, которая в то время от гор. Онеги находилась в 80 верстах. По дороге к фронту на запад от г. Онеги в одной из деревень Подпорожской волости нам пришлось серьезно подумать о приобретении в дорогу продуктов, т. к. от этой деревни нам нужно было вплоть до фронта двигаться все 100 верст почти лесом и не запастись чем—нибудь в дорогу из продуктов в этой деревне, было

бы для нас невозможным дойти до фронта. Не имея ни денег, ни хлеба по дороге, пока шли по вышеназванным селам, нам пришлось продать одному из рабочих имевшееся при нас нарезное ружье, которое нам подарили в дороге для большей безопасности Мурманские рабочие, и на вырученные за него деньги мы решили в упомянутой выше деревне достать что-либо из продуктов. Рано утром мы вошли в одну крестьянскую избу, находящуюся на окраине села и там попросили хозяйку дома напоить нас чаем и достать что-нибудь покушать. Хозяйка вскоре согрела самовар и подала к чаю несколько штук овсяных лепешек и по чайному стакану каждому из нас молока; мы принялись кушать поданное нам на стол и незаметно для нас прошло, примерно около часу. Пока мы кушали чай, в квартиру нашей хозяйки входила какая-то соседка ей женщина, которая вскоре ушла обратно и возвратившись вторично обратилась к нам, предложила нам купить у ней две пачки сигарет, на что мы охотно и согласились, выдав ей просимую сумму денег. В это время в квартиру к нам вошли двое мужчин, причем у одного из них имелась русская трехлинейная винтовка. Одеты оба пришельца были в штатское платье. Поклонившись нам и хозяйке, потребовали от нас документы; когда же, получив от нас не удовлетворительный ответ, последние предъявили нам арест и под охраной лица, у коего имелась винтовка, доставили нас, пройдя все село, к берегу Белого моря и на большом парусном шнеке отправили нас в гор. Онегу. В число провожатых с нами взяты были еще двое местных крестьян, с которыми мы вскоре после 4-х часового плавания по морю и при попутном ветре прибыли в гор. Онегу. По дороге, из разговоров с провожающими нас крестьянами, нам удалось выяснить, что арестовал нас тайный член Онежской контр-разведки, учитель данного села, которому о нашем пребывании у хозяйки названного выше дома передала ее соседка, которая приходила в дом во время нашего чаепития, а последний, взяв с собой одного из милиционеров, прибыл к нам для выяснения личности. Так мы и подверглись вторичному задержанию. Прибыв в Онегу, нас поместили под строгий надзор местной уездной милиции, а утром следующего дня доставили в уездную контр-разведку, где нас подвергли тщательному опросу, по окончании коего вновь отправили для дальнейшего содержания в уездную милицию, усилив над нами надзор еще в большей степени. Помещение арестного дома находилось в уездной тюрьме, которая и была оборудована по всем правилам этого названия. Какой бы то ни было побег из названной тюрьмы без посторонней помощи, был немыслим, а поэтому нам оставалось одно только — ждать более удобного момента, пока вновь не представится возможность нового побега. Спустя дня два времени, т. е. 8 июля, нас с первым отходившим из Онеги пароходом отправили под усиленным конвоем в гор. Архангельск.

В Архангельской тюрьме.

9 июля 1919 года мы прибыли из Онеги в Архангельск и доставлены в Архангельское контр-разведывательное отделение, к знаменитому в то время по расстрелу (большевиков) гражданину Чайни-

кову, который допрашивая—кто мы и что мы, все время почти на каждое сказанное нами слово, применял к нам кулачную расправу, называя нас варварами, большевиками и пр. Не получив от нас желанного для него ответа, он вынужден был записать то, что мы ему говорили. На вопрос—кто мы и почему оказались во фронтовой полосе Онежского уезда, мы ответили, что мы рабочие с Мурманской железной дороги с 8 уч. службы пути; во фронтовой полосе оказались потому, что шли домой к своим родным, живущим в Советской России. На вопрос—почему об этом мы не подали заявления, мы ответили незнанием существующих правил. Начальник контр-разведывательного и регистрационного отделения: записав, все нами сказанное, отдал распоряжение посадить нас в одиночную камеру Архангельской Губернской Тюрьмы, куда мы и были доставлены к вечеру того же дня. В воротах тюрьмы при передаче и приеме нас подвергнули самому тщательному обыску и не найдя при нас ничего отвели в главный корпус и там от нас отобрали все, что не разрешалось иметь на руках арестованному. Первоначально нас посадили в общую камеру № 25, в которой содержались все те, которые числились за контр-разведывательным отделением, но на следующий день нас перевели в 11-ю одиночку, в которой мы и пробыли до 23 августа. За это время, с 10 июля, тюрьма настолько была переполнена арестованными, что без уплотнения не осталась и наша одиночка. Первые дни нашей жизни в одиночке к нам посадили одного артиста, он же художник, тов. Мальцева (он же Николаенко) уроженец Полтавской губ.; арестован за то, что своей собственной работы картину последний не согласился продать одному из английских офицеров за предложенную ему хорошую сумму денег. Офицер, подозревая, что он не желает продать ее потому, что он не питает симпатии к англичанам, приказал арестовать т. Мальцева и в ночь с 17 на 18 июля, после 12 часов ночи, т. Мальцев был вызван от нас в тюремную контору, где происходил военно-полевой суд и был приговорен к смертной казни через расстреляние. Не прошло и одного часа после суда, как приговор был приведен в исполнение и мы вновь остались вдвоем, ожидая ежеминутно той же участи. За это время, пока мы находились в тюрьме, т. е. до 23 августа, подобные случаи расстрелов арестованных из тюрьмы, производились почти ежедневно по несколько человек одновременно. Так проводили мы время до 23 августа, прислушиваясь к каждому шагу часового, и каждому отдельному шороху по корридолу, ожидая, что вот не сегодня—завтра тоже самое последует и с нами. 23 августа нас вызвали по одиночке в контору корпуса, первый был вызван я, и придя в контору, я увидел перед собой судебного следователя, который пришел снять с нас дополнительное показание. Ответив прежним показанием на заданные мне вопросы, я под конвоем был доставлен в свою одиночку. После опроса т. Сергеева, нас в тот же день вместе с партией других арестованных, отправили из тюрьмы на пароход и увезли на остр. Мудьюг.

Остров Мудьюг (60 вер. от Архангельска).

Остров Мудьюг находится в 60 верстах на Белом море от гор. Архангельска. Партия, с которой мы прибыли на остров Мудьюг, была около 120 чел., не считая тех, которые ранее нас находились на

названном острове. Пароход, с которым нас привезли на остров, прибыл к пристани около 8 часов вечера и несмотря на темноту ночи, нас привели к какому-то тесовому барaku и разместили в нем, не дав даже что-нибудь покушать. Барак, в котором нас поместили, не только ничем не отапливался, но даже и не имел печей. Положение арестованных на острове Мудьюг становилось с каждым днем все хуже и хуже; строгий режим, необорудованность помещения, недостаточность питания, а нередко и избиения арестованных стали обычными явлениями. Холодный морской ветер осени так и пронизывал до костей все наше тело, заболевания цынгой среди арестованных были более, чем на 50 процентов. Часть арестованных (следственные) находились в тесовых бараках, а другая — осужденная к разным срокам каторжных работ, находились в землянках. Вокруг всех зданий, где помещались арестованные, было устроено два ряда проволочных высокх заграждений и на всех четырех сторонах, окружающих лагерь, были устроены деревянные башни, служащие наблюдательными постами на высоте 3-х саженьей от уровня земли. На каждом из этих постов стояли внооруженные часовые. Медицинской помощи больным не существовало, бани и белья тоже. Арестованным ежедневно приходилось сидеть в бараках, не выпускали их даже на 15 минутную прогулку. Часть арестованных, которая ежедневно выходила на работу, преимущественно из числа осужденных, приносила нам те или иные новости, которые им удавалось узнать от частных жителей этого острова и от семей военнослужащих солдат охранявших наш лагерь. вскоре через посредство коих нам удалось организовать предполагаемый из лагеря 'массовый побег. Утром 15 сентября к острову Мудьюг были поданы с сеном 4 крестьянских лодки, вместимостью каждая человек на 20, воспользовавшись коими был возможен к осуществлению план задуманного нами побега. Первоначальный план действий был поручен товарищам, вышедшим на работы. т. к. в руках последних будут иметься кой-какие инструменты, благодаря коим возможно разоружить первого часового и завладеть его огнестрельным оружием. Около 11 часов дня на дворе лагеря послышался первый выстрел. Нашим товарищам, находившимся на работах, удалось обезоружить охраняющего их часового и они с боем отнимали винтовки у тех, которые находились на постовых башнях, охраняющих лагерь. Причем один из часовых бросил винтовку с патронами на землю, не дожидаясь, когда ее у него вырвут. Арестованные товарищи, воспользовавшись этим, сломали замки прикладами у дверей наших бараков и бросили первый вызов самоосвобождению. Выбежав из бараков, мы принялись обезоруживать отдыхавший в то время в караульном помещении конвой острова, но т. к. последние, услышав первый произведенный по начальнику лагеря арестованными выстрел подняли тревогу, отступая целью от нас, и из окон караульного помещения продолжали отстреливаться. Силы на нашей стороне были чрезвычайно слабы, а оружие, которое удалось отнять от часовых, осталось в руках тех товарищей, которые бросились бежать к пристани, где находились крестьянские лодки. Видя безцельность неравной борьбы, все арестованные бросились врассыпную по острову к пристани, но уже было поздно. В лодки, которые стояли у пристани,

сели 52 чел. прежде нас освободившихся товарищей и уехали с острова на материк, не дожидаясь полного разоружения конвоя, благодаря коему нам удалось бы уйти всем, в количестве 400 человек. Возмущенные до глубины души подобным поступком товарищей, мы были вынуждены или возвратиться обратно или ждать того момента, когда преследующий нас по пятам конвой доставит обратно. Спасения даже никакого не было, броситься вплавать на расстоянии 3-х с половиной верст было бы слошным безумием и мне, одновременно с Пинежским Уездвоенкомом, который в то время находился в тюрьме, удалось незаметно для часовых пробраться под проволочное ограждение и проникнуть в незапертый барак, в котором находились до своего побега. Вскоре после нашего прибытия в свой барак, к нам стали приводить один за другим бежавших и пойманных на острове товарищей, причем при поимке многие из них подверглись расстрелу, а других были переписаны имена и фамилии. В течении этого дня из своих рядов в момент побега и перестрелки мы потеряли убитыми и ранеными более 20 чел. Проходившему в Архангельск мимо острова товарищу условными сигналами со стороны команды охраны, с маяка, было передано о происшедшем на острове, который и сообщил в Архангельске о побеге арестованных на острове Мудьюг, т. к. другого рода всякая связь с острова с Архангельском в момент побега была прервана. На следующий день, 16 сентября, к острову Мудьюг прибыло из Архангельска 6 судов, в том числе 2 военных тральщика, на которых прибыл, совместно с солдатами усмирителями и Военно-полевой суд, который в течении целой ночи на 17-е сентября производил суд и расправу над теми, чьи фамилии попали в список беглецов, задержанных конвоем на острове Мудьюг. Всего за одну ночь военно-полевым судом расстреляно около 37 человек. Сделав свое дело, военно-полевой суд на утро следующего дня 17 сентября отбыл с своими судами в г. Архангельск, а мы, похоронив в одну общую могилу товарищей, попрежнему переносили и голод и холод. Так продолжалось до 26 сентября, пока нас с тов. Сергеевым не отправили в г. Архангельск. Как только начальнику лагеря Ванюшину отдано было распоряжение по телефону о нашей отправке, нам было приказано собраться и спустя еще час времени, мы были уже на пароходе и вместе с именовым списком следовали в г. Архангельск. Прибыв в Архангельск, нас вновь посадили в ту же тюрьму, где находились и до дня отправки. Вновь пошли те же безконечно тяжкие дни, те же пытки издевательства, оторванные от всякого живого мира не могли знать, что делается не только за стенами тюрьмы, но даже и в самой тюрьме. Временами попадали к нам и обрывки белогвардейских газет, в которые завертывается хлеб или другие продукты и в дни свиданий или передач к арестованным, когда приходили их родные, хлеб выдавался от родных арестованным на руки, а газета отбиралась и в скомканном виде бросалась во дворе в мусорный ящик, из которого ее и извлекали арестованные в дни очистки двора. Книжки для чтения арестованным выдавались только духовного содержания, из местной тюремной библиотеки. Правда, там находились и другого содержания книги, но ввиду их малочисленности попадали в руки тюремной администрации. Режим в тюрьме был невероятный, пи-

ща самая отвратительная, за всякого рода жалобы, хотя бы они и носили характер справедливого внутри тюрьмы требования, не выходя из рамок установленных для арестованных правил. заключенные подвергались избиению. Большинство арестованных после суда было тотчас же заковано в кандалы. часть их оставалась в тюрьме, другие же были ссылаемы на остров Мудьюг или в Иоканегу и там покорно отдавали себя в руки царившего произвола. Лишившись здоровья, не так от заболеваний, сколько от избиения тюремной прислуги, лишившись всякой надежды на какую бы то ни было помощь, нередко прибегали арестованные к самоубийствам. Никакой глаз какого бы то ни было постороннего человека не мог проникнуть туда и ужаснуться от чинимых там безобразий со стороны администрации лагеря. Я помню один из случаев на этом острове, когда начальник лагеря напившись пьяным, пришел к арестованным для производства вечерней поверки; при входе его с сопровождающими солдатами в дверь барака и от внезапно открытой быстро двери, ночник, т. е. маленькая без стекла керосиновая коптилка, которая освещала внутри наше помещение, от притяжения воздуха в открытую дверь быстро погасла, т.к. была поставлена поблизости на имевшуюся у двери дощечку. Начальник лагеря, не разобрав в чем дело, мгновенно закрыл на замок дверь и приказал солдатам стрелять по бараку, которые и исполнили его просьбу. Пулями, проникающими из винтовок сквозь деревянную стенку барака, было убито и ранено 9 человек. Такие случаи были не единичны. Никакая комиссия на место происшедшего не выезжала, ограничившись донесением начальника лагеря г-на Супакова, в котором последний сообщил, что во время вечерней поверки на него было произведено покушение, которое быстро удалось ликвидировать, за что последний и был даже представлен к награде. Всего на острове Мудьюг умерших от цынги и расстрелянных властью администрации за период 8 месяцев 1919 года насчитывалось 105 человек. Сколько погибло арестованных в других тюрьмах и местах заключения Северной области, нам неизвестно. С каждым днем нашего пребывания в тюрьме все более и более производились расстрелы, в особенности много их было после 29 сентября 19 года, когда союзники бросили северное правительство и уехали из северной области в свои государства. Потеряв дальнейшую надежду на вооруженную помощь союзников, Северное правительство, видя свое бессилие дальнейшей борьбы с большевиками и Красной армией, прибегло к репрессиям не только по отношению к нам заключенным, но и к местному гражданскому населению. Так длилось вплоть до их позорного бегства за границу.

Освобождение.

С тех пор, как штаб генерала Миллера перебрался на пароход и ледоколы очищали реку Двину для бегства Северного правительства, с тех пор до нас почти ежедневно стали доноситься весточки о скором освобождении и наконец, 20 февраля 1920 года, часов около 10 утра в нашей тюрьме, где мы находились, не была произведена установленная администрацией утренняя поверка. Арестованные, по-

лагая, что может быть еще время ранее, или почему либо были забыты, не придали этому большого значения и с прежней подавленностью настроения ждали, когда откроется дверь для производства камерной уборки. Спустя еще несколько минут, при гробовом молчании тюрьмы, до нас стали доноситься какие то крики и вдруг слышен выстрел около стен, с наружной стороны нашей тюрьмы. По мере приближения до нас все ясней и ясней стали слышны знакомые нам звуки марсельезы и звуки духового оркестра. Услышав это, мы без боязни бросились вплотную к окнам и сквозь щели разбитых стекол, увидали на дворе нашей тюрьмы группу человек 50 матросов, на штыках у которых мы ясно заметили развевавшиеся маленького размера красные флажки. Это были наши первые освободители. Группа матросов, обезоружив тюремную администрацию, бросилась мгновенно в главный корпус и при помощи ружейных прикладов, сорвав все замки у дверей, где содержались заключенные, и с восторженными криками „Да здравствует Советская власть“, да здравствует Революция. „смерть тиранам белогвардейцам“ — группа рабочих и матросов, осыпая крепкими объятиями и поцелуями, почти на руках вынесла нас на улицу из мрачных и холодных стен Архангельской тюрьмы, которая во истину была для нас могильным склепом. Так мы дождались своих освободителей и получили долгожданную свободу.

В. Н. КОЛОСОВ.

Краткая автобиография Колосова Василия Николаевича.

Родился 27 декабря 1893 года, сын крестьянина Вологодской губ. Кадниковского уезда, Грибцовской волости, дер. Спицыно. Образование получил ниже среднее; до военной службы жил у своих родителей, помогая отцу в сельском хозяйстве. Военную службу в старой армии отбывал в 180 пех. зап. полку в гор. Петрограде и позднее в 197-м Лесном полку 50 й пех дивизии. Февральскую революцию проводил в Петрограде. Принимал общее участие в восстании и переходе полка на сторону восставшего народа в своем 180 пех. полку. Октябрьскую революцию проводил на юго-зап. фронте в 197 Лесном полку. В партию (большевиков) вступил на фронте в августе месяце 1917 года. 14 сентября того же года был избран председателем полкового к-та 197 полка. 31-го октября 17 года был делегирован для работ в исполнительный к-т юго-зап. фронта в качестве представителя от 50 пех. дивизии, где и был избран в члены фронтowego исполкома, в хозяйственную комиссию где и пробыл до 2-го февр. 1918 года, принимал участие при взятии гор. Киева, от гайдамаков в боях с 25—28 января 18 года. С ликвидацией хоз. комиссии юго-зап. фронта в связи с начавшейся демобилизацией фронта убыл по демобилизации в отпуск на родину. 15 апр. 18 года уехал в Москву, и поступил добровольно в войска В. Ч. К. по охране путей сообщения будучи назначен на должность командира добровольной роты 1-го мая 1918 г. вместе с ротой выбыл на мурманскую жел. дор. где и пробыл до дня своего ареста англо-сербам т. е. 2-го июля 1918 г. Пробыл в тюрьмах у белых по 19 февр. 1920 года. По освобождении из тюрьмы от белых прибыл в Архгубвоенкомат и назначен на должность военного комиссара в гор. Кемь в каковой и пробыл до 14-го августа 20 года после чего был отозван в губвоенкомат, и назначен инспектором особых поручений. 26 августа 1920 года по распоряжению Пуокра, назначен на должность военкома и командиром Архтерполка с совместительством начальника коммунистической части. Пробыл до 8 мая 1921 года, после чего по личному ходатайству был переведен в гор. Вологду на ту же должность, командиром кадр. Вологодского тер. полка. В связи с ликвидацией полка 1-го сентября 1921 года был назначен на должность коменданта гор. Вологды, в каковой и пробыл до настоящего времени.

Правильность удостоверяю. Справка: послушной список.

Колосов

24 XI 22 г.
гор. Вологда.

С П И С О К

лиц, находившихся одновременно со мною в белогвагдейском плену. в период со 2-го июля 1913 года по 19 февраля 1920 года, фамилии и адреса коих сохранились в моей памяти.

№№	Фамилия, имя, отчество.	Партийность.	Какая губернии уродился.	Где находится в настоящее время.	Примечание
1	Сергеев Григорий Степ.	Член Р.К.П.	Арх. губернии и уезда. Воскр. код. дер. Водичи.	Проживает у родителей на родине.	Участник одобрённого похода со мною из гор. Мурманска.
2	Нюшкин.	Безпарт.	Корола. Мурманск. край.	Неизвест.	Т о ж е.
3	Мосорин Андрей Иванович.	Член Р.К.П.	Кемского уезда б.м. председатель уездного.	В Арз. гор. организация Р. К. П.	Одновременно со мною находился в тюрьмах у белых 1 г. 7 м.
4	Грудзин Анатолий.	Солунетарующий.	Летши	Неизвест.	Т о ж е.
5	Пасторин Федор.	Член Р.К.П.	С. Калыалана Кем. уезда бив. председат. совета.	Петроград, Яковка № 14 кв. 615.	Т о ж е.
6	Иванов Мах. Иванович.	Член Р.К.П.	Т о ж е.	Инспектор Петрограда Лугова, № 44 кв. 631.	Т о ж е.
7	Подвойский Иван Ильич.	Непар.	Неизвестен	По не официаль. данным после похода из тюрьмы от белых ушел в Норвегию.	

№	Фамилия, имя, отчество.	Партийность.	Какой губернии уроженец.	Где находится в настоящее время.	Примечания.
8	Соловьев Алексей.	Член Р.К.П.	Неизвестно.	Судакский ф. Е. П. О. Ливадия, № 11.	Тоже участник по тюрьме.
9	Песенников Соломон Исаяк.	Был. С.Р.	Западного края.	По частным след. нахо- дится в Москве глав. инженер.	В тюрьме пережил свои убежд. и вышел из партии асероф.
10	Дмитриев Александр.	Член Р.К.П.	Арх. губ. Кол. уезда.	В Арх. губ. рабкритике.	Т о ж е.
11	Брежнев.	Член Р.К.П.	Полтавский селами старого времни в г. Колу	В Киевской гор. органи- з. Р. К. П.	Т о ж е.
12	Энгельгардт.	Сочувствую- щий	По освобожд. из тюрьмы уехал в Москву.	Неизвестно.	Т о ж е.
13	Качанов Андрей.	Член Р.К.П.	Г. Кель, Бандалав. волость.	Агент ж.д. Ч.К. на ст. Со- рога, Мур. ж.д. (Рабочий).	Т о ж е.
14	Кохань Леонид Ник.	Безпарт.	По не офиц. след. служил у белых в армии и уехал с ними при бегстве последних из Архангельска.	Неизвестно.	Был ком-ром Мур. роты покач. И. Ч. К.

Все выше перечисленные лица находились одновременно со мною в различные время в тюрьмах у белых в период с 2 июля 1918 г. по 19 февр. 1920 г.

Истинность выше изложенного удостоверяю В. КОЛОДЦОВ.

174
Цена 20 коп.
(ЗОЛОТОМ).

